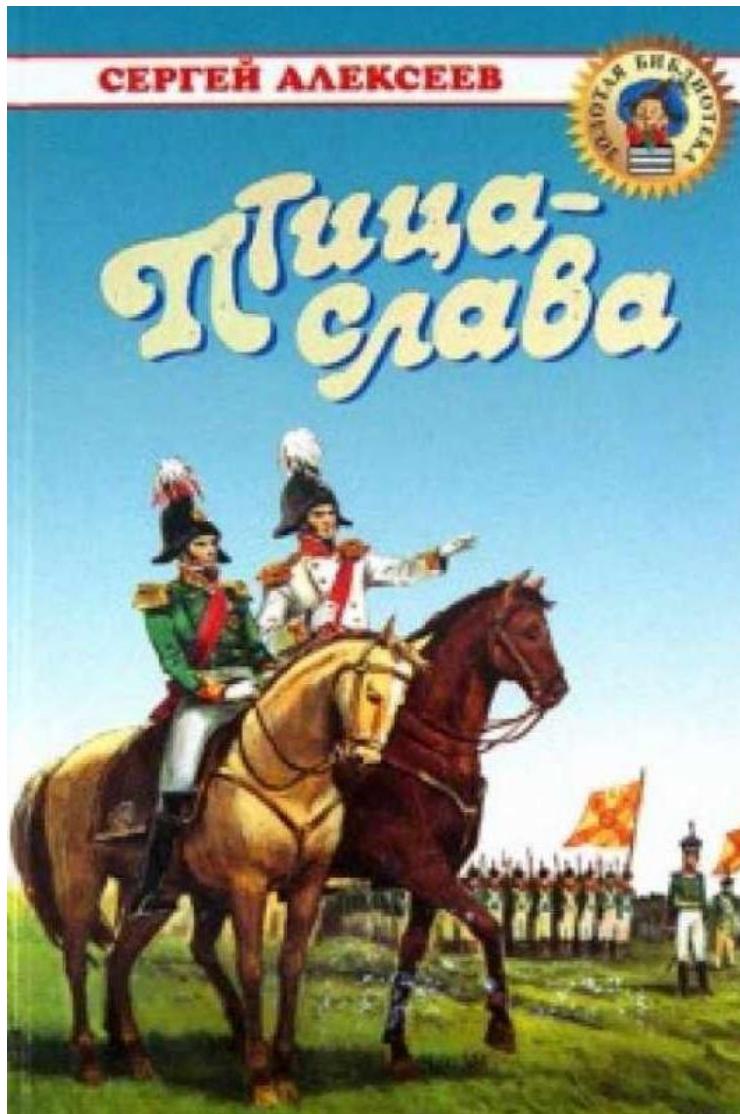

Сергей Алексеев Птица-слава

Рассказы об отечественной войне 1812 года

Глава первая

ЛЬВИНОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

[ИДУТ ПО МОСТУ СОЛДАТЫ](#)

1812 год. Лето. Мост через реку Неман. Граница России.

Колонна за колонной, полк за полком идут по мосту солдаты. Слышна непонятная речь. Французы, австрийцы, пруссаки, саксонцы, итальянцы, швейцарцы. Жители Гамбурга, жители Бремена, голландцы, бельгийцы,

испанцы. Идут по мосту солдаты. Сотрясает деревянные фермы солдатский шаг.

— Императору вива!

— Франции вива!

— Слава, слава, слава! — несётся со всех сторон.

Наполеон сидит верхом на рослом арабском коне, смотрит на переправу. Задумчив император французов. Треугольная шляпа надвинута низко на лоб. Мундир застёгнут до самого верха. У глаз собрались морщинки.

Сзади, образовав полукруг, в почтительном молчании замерла свита.

Слышно, как в утреннем небе прожужжал деловито шмель.

Неожиданно Наполеон поворачивается к одному из своих приближённых. Это генерал Коленкур.

— Вы не француз! — кричит император.

Коленкур не отвечает.

— Вы не француз! — с ещё большим озлоблением выкрикивает Наполеон.

Дерзкие слова произнёс Коленкур вчера на военном совете.

Единственный из всех маршалов и генералов он был против похода в Россию:

— Это дорога в ад.

— В моём лагере русские, русские! — кричал Наполеон, показывая на Коленкура.

Вот и сегодня он не может спокойно смотреть на генерала.

— Отрастите русскую бороду, — издевается Наполеон. — Наденьте армяк и лапти.

Из-за недалёкого леса подымается солнце. Глянул маленький пламенеющий бугорок, ожёг синеву, затем, словно кто-то в русской печке открыл заслонку, брызнул огненный полукруг, и вот уже ослепительный, пылающий шар пожаром вкатился в небо.

Наполеон привстал в стременах:

— Вот оно, солнце Аустерлица!^[1]

— Императору слава!

— Франции слава!

— Вива, вива, вива! — несётся со всех сторон.

Красные, жёлтые, синие — мелькают кругом мундиры. Цвета неба, цвета пепла, цвета лесной травы. Очумело бьют барабаны. Надрываются армейские трубы и дудки. Слышился топот солдатских ног.

Идут по мосту солдаты. Час, второй, третий. День, второй, третий. Идут по мосту солдаты. На погибель свою идут.

[КАКАЯ КУДА ДОРОГА](#)

Под городом Вильной три гренадера попали в плен.

О пленении русских узнал император Наполеон. Пожелал император французский посмотреть на русских солдат.

Привели гренадеров.

Наполеон с генеральской свитой стоял на холме у походной палатки. Слева дорога, справа обрыв, сзади еловый лес.

Смотрят солдаты: так себе человек. Невысокого роста. Лицо круглое. Щёки мясистые. Усов нет. Безбородый. В плечах широк, в поясе тоже видать, отрастает брюхо. На ногах сапоги. Штаны в обтяжку. Треуголка верблюжьим горбом торчит. Правая рука на груди, сунута за обрез мундира. Соображают солдаты: никак, государь французский? Стали они во фронт.

Глянул император на солдатские лица:

— Русские?

— Так точно, ваше величество.

— Гренадеры?

— Так точно. Павловского гренадерского полка рядовые из первой роты.

Присмотрелся Наполеон к солдатам внимательней. Два молодых, чернобровых, третий совсем седой, медаль на груди красуется.

— За что награждён, герой?

— За Альпийский поход, за дело с Масеной.

— О!

— За взятие французского знамени в плен.

— Х-хм!

Неприятно Наполеону подобное слышать. Говорит он с издёвкой:

— Как же ты такой боевой и вдруг к моим егерям попался?

— Бывает, ваше величество, — ответил солдат. — И сокол в силок влетает.

Усмехнулся Наполеон: не промах солдат, находчив. Интересно, как на другие вопросы ответит.

— Ну, а много ли войск у вашего императора?

— В нашей роте, ваше величество, двести душ.

— Да не в роте, в армии вашей?

— Да разве снежинки в метель считают? — загадкой ответил солдат.

Слово за словом идёт разговор.

— Скажи, далеко до Смоленска?

— Как мерить. Гостю дорога близкая...

— Какими путями лучше идти к Москве?

— Царь шведский избрал Полтаву... [\[2\]](#)

Наполеон недовольно поморщил нос, на лице появилась суровость.

Чеканит гренадер Наполеону свои ответы, а сам молодым солдатам в сторону леса глазами косит.

— Ну, а дороги ты местные знаешь?

— Знаю, ваше величество.

— Так куда какая дорога?

— Сейчас объясню. Налево пойдёшь, направо пойдёшь, прямо пойдёшь, куда ни пойдёшь — назад не воротишься, — скороговоркой ответил солдат.

Насупился Наполеон. Задвигалась свита. Кто-то схватился за шпагу.

Однако гренадер не даёт им опомниться.

— Вон он, вон он, глядите! — закричал и вытянул руку к небу.

Подняли Наполеон и генералы глаза: что там такое?!

Небо как небо: синь да лазурь, белоснежным барашком одинокое облачко бродит, солнце, как печь, палит.

Опустили они глаза. Смотрят, а русских солдат у палатки нет. Пусто вокруг. Лишь чуть заметный след по траве волочится. Лишь трепыхнулись еловые лапы у края леса.

Рассмеялся Наполеон. Потом вдруг нахмурился. Сел на коня и молча поехал к Вильне.

[СКАЗКА СТАРОГО КАПРАЛА](#)

Верста за верстой, верста за верстой отступают, отходят русские. Идут они полем, идут они лесом, через реки, болота, по холмам, по низинам, по оврагам идут. Отступает русское войско. Нет у русских достаточных сил.

Ропщут солдаты:

— Что мы — зайцы трусливые!

— Что в нас — кровь лягушиная!

— Где это видано: россиянин — спиной к неприятелю!

Рвутся солдаты в бой.

Русских армий две. Одна отступает на Вильну, на Дриссу, на Полоцк. Командует ею генерал Барклай де Толли. Вторая отходит южнее. От города Гродно на Слуцк, на Бобруйск. Старшим здесь генерал Багратион.

У Наполеона войск почти в три раза больше, чем у Барклая и Багратиона, вместе взятых. Не дают французы русским возможности соединиться, хотят разбить по частям.

Понимают русские генералы, что нет пока сил у русских справиться с грозным врагом. Сберегают войска и людей. Отводят свои полки.

— Э-эх, да что же оно творится?! — вздыхают солдаты.

— Пропала солдатская честь!

Шагает вместе со всеми старый капрал, смотрит он на своих товарищей:

— Хотите, сказку скажу?

— Сказывай.

Собрались на привале солдаты в кружок, расселись, притихли.

— Давно ли то было, недавно, — начал капрал, — дело не в том. Только встретил как-то в лесу серый волк лосёнка. Защёлкал злодей зубами:

«Лосёнок, лосёнок, я тебя съем».

«Подожди, серый волк, — говорит лосёнок. — Я же только на свет народился. Дай подрасту».

Согласился лесной разбойник. Пусть погуляет телок, пусть наберётся мясом.

Долго ли, скоро ли время шло — дело не в том. Только опять повстречал серый волк лосёнка. Смотрит — подрос за это время телок. Рожки пробились. Копытца окрепли. Не телок перед волком — подросток лось. Защёлкал злодей зубами:

«Лось, лось, я тебя съем».

«Хорошо, серый волк, — отвечает лось. — Только дай попрощаться с родным краем».

«Прощайся», — ответил волк.

Пошёл молодой лось по родному краю, по полям, по лесам, по дубравам. Ступает он по родной земле, силу в себя вбирает. И волк по следу бежит. Притомился в пути разбойник: шерсть отлетает, рёбра ввалились, язык как чужой, из пасти наружу лезет.

«Стой, стой!» — голосит злодей.

Долго ли, скоро ли время шло — дело не в том. Только остановился однажды лось. Повернулся навстречу волку. Глянул тот, а это не просто лось: стоит перед ним сохатый. Защёлкал серый зубами:

«Сохатый, сохатый, я тебя съем».

Усмехнулся лесной красавец:

«Давай подходи».

Бросился волк вперёд. Да только силы теперь не те. Лосёнок теперь не тот. Поднялся богатырь на задние ноги, ударил волка пудовым копытом, поднял на рога и об землю — хлоп! Кончился серый.

Капрал замолчал.

Задумались над сказкой солдаты.

— Видать, неглупый телок попался.

— В сохатого вырос!

— Э, постой, да в сказке твоей намёк.

— К отходу, к отходу! — прошла команда.

Вскочили солдаты. Построились в ряд. Подняли солдатские головы. По полям, по лесам, по дубравам, по низинам идут солдаты. Не по чужой, по родимой земле идут.

ТРОЙНАЯ СИЛА

Лежат у костра на привале солдаты: солдат Петров и солдат Егоров солдат молодой и ещё моложе.

— Сильны, сильны, басурманы... — вздыхает солдат молодой.

— Ружья у них хорошие, — вздыхает тот, что ещё моложе.

— Когда бы французов числом поменьше, — опять начинает первый.

— Когда бы войска у нас побольше, — отвечает второй.

Размечтались солдаты:

— Вот если бы каждому из нас вдруг да тройную силу!

Наутро солдаты вступили в бой.

Бьётся солдат Петров в рукопашном бою. Сбил одного француза. Перевёл дыхание. Вытер вспотевший лоб. Осилел второго. Смотрит — третий бежит навстречу. Блеснул перед грудью Петрова штык. Размахнулся солдат прикладом. Прикончил француза третьего.

Рядом бьётся солдат Егоров. Сбил одного француза. Поправил ремни от ранца. Провёл рукой по вспотевшей шее. Осилел второго. Смотрит — третий бежит навстречу. Блестит на солнце острый французский штык.

Сторонись, не зевай, Егоров! Размахнулся солдат прикладом. Не стало француза третьего.

Кончился бой.

Опять лежат у костра на привале солдаты. Солдат Петров и солдат Егоров: солдат молодой и ещё моложе.

— Сильны, сильны, басурманы.

— Не говори.

— Когда бы французов числом поменьше.

— Когда бы войска у нас побольше.

— Кабы пушка была у каждого.

— Не говори.

Размечтались солдаты:

— Эх, кто бы нам силу тройную дал!

«ЗНАЙ СВОЁ ДЕЛО»

Генерал Багратион у Бобруйска направлял солдатский отряд в разведку.

— Только живо, — напутствовал Багратион, — суворовским маршем: туда и обратно.

Тронулись солдаты в путь. А чтоб не плутать, не сбиться с дороги, прихватили с собой местного мужика Агафона Охапку.

Оседлал Охапка свою лошадёнку:

— Ну, служивые, не отставайте.

Идут солдаты, тащат ружья, походные ранцы. Впереди Агафон верхом на коне, по-барски.

Едет он, повернётся назад, глянет на солдатские лица:

— То-то, служивые, нелегка солдатская служба. Как же вам пеши за конным!

— Давай, давай, борода, — отшучиваются солдаты. — Знай своё дело.

Идут солдаты версту, десять, пятнадцать вёрст.

«Эка сколько отмерили, — прикидывает Агафон. — Коню бы отдых, да и солдаты, поди, устали».

— Оно бы, служивые, отдых нужен.

— Давай, давай, борода, — посмеиваются солдаты. — Знай своё дело.

Прошли ещё без малого десять вёрст. У Агафона на чём сидит уставать стало. Конь пошёл вяло. Крутится мужик на седле, на солдат то и дело косится.

— Оно бы, служивые... — опять начинает Охапка.

Перебивают солдаты:

— Терпи, бородатый.

Прошли ещё версты три. И вдруг заупрямился, остановился крестьянский конь. Слез Агафон на землю, от долгой езды шатается.

Рассмеялись солдаты:

— Тебе что же, верхом наскучило?

— Променажу душа желает.

— Шило небось в седле?

— Ну вас к дьяволу! — огрызнулся Охапка.

Постояли солдаты минутку, тронулись дальше в путь. Тащится Агафон сзади, за узду коня волочёт.

— Но-о, ленивый! Ноги твои еловые...

Выбивается мужик из последних сил.

Дошли солдаты до нужного места. Разузнали, что надо. Повернули назад:

— Ну, борода, собирайся.

— Помилуйте, братцы! — взмолился Охапка. — Коня пожалейте.

Улыбнулись солдаты:

— Ладно, сами назад дойдём.

Тронули, не мешкав, солдаты в обратный путь. Остался Охапка один.

Лежит на траве у дороги. Тело ломит, в ногах гудит.

— Эко дело, — качает головой крестьянин. — Коня загнали. Сам в мыле. Ну и солдаты!

КРИК В ТУМАНЕ

В белорусских сырых местах у реки Коноплянки сошлись на рассвете в низинке две гренадерские роты. Рота русских и рота французских солдат. Рукопашный взыгрался бой.

От реки потянулся туман. Придвинулся к месту боя. Осел, окутал, прикрыл солдат.

Бьётся солдат Нерытов. Где свой, где чужой — разобрать трудно. То справа французская речь, то слева, то сзади, то спереди. И русские голоса то тут, то там, то пропадут, то рядом совсем объяваются. Перемешались в бою солдаты.

И вот показалось Нерытову, что русские дрогнули. Побежали рядом солдаты. Соображает Нерытов: «Э, если такое дело, тут и сам не плошай».

Увязался он за бегущими.

— Подождите, — кричит, — ребята!

Да где уж тут ждать. У страха ноги что крылья. Мчат гренадеры с оленьей прытью.

— Братцы! Родимые! — надрывает глотку солдат.

Страшно ему отставать.

Однако чем громче кричит Нерытов, тем только солдаты бегут быстрее.

— Лешие... — ругнулся солдат. Прибавил он шагу.

Пробежали с версту. Хоть и взмок Нерытов до нитки, а всё же догнал бегущих. Всмотрелся в солдатские спины: у русской пехоты мундиры тёмно-зелёного цвета, а у этих, о господи, — синие. «Так это ж французы», — понял солдат.

Совестно стало Нерытову. Ясно ему, кто дрогнул на месте боя. Понятно и то, почему не подождали его солдаты: он же русским криком врагов пугает.

Развеселился от мысли такой солдат. Страх пропал, словно и вовсе такого не было.

Смышлённым оказался Нерытов. Забежал он правее французов.

— Братцы! — кричит. — Тут они. Тут. Заходи, окружай, родимые!

Услышали французы крики правее, свернули с прямого пути. Опять забежал Нерытов, снова кричит. Опять повернули французы. Кончилось тем, что побежали французы в обратную сторону.

Гонит их гренадер, не даёт никуда отклониться. То с одной стороны забежит:

— Справа, братцы, справа!..

То с другой:

— Слева, братцы, слева!..

Бегут французы послушным стадом. Пробежали они версту. Вернулись к старому месту. Туман тем делом стал расходиться. Бой уже кончился. Строилась русская рота, собираясь в дальнейший путь. Вдруг видят солдаты: бегут французы. Схватили гренадеры ружья, забрали французов в плен.

Доволен Нерытов, что снова к своим вернулся. Смешался в солдатских рядах. Неловко ему в недавней трусости признаваться. Делает вид: мол, нигде я и не был. Поправляет свой ранец. Молчит.

Погнали русские пленных. Идут удивляются:

— И чего прибежали? И как такое случилось? Непонятное что-то.

[СОЛДАТ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ](#)

Русские бились у Витебска.

Гренадер Фёдор Беда сражался вместе со всеми. Рядом с ним офицер Ардатов, рядом боевые товарищи.

И вдруг споткнулся, упал солдат. Ударила гренадера французская пуля в бок. Обожгла, вырвала клок тела, ушла от ребра рикошетом в поле.

Подобрали санитары солдата. Отнесли к лекарям в палатку. Наложили Беде повязку на грудь, послали в команду для раненых. Только в команду солдат не прибыл. Свернул он с пути и опять в свою гренадерскую роту.

Быются гренадеры. Бьётся Ардатов. Видят — рядом опять Беда.

Заприметил Ардатов героя.

Продолжается страшный бой. Не щадят живота своего гренадеры. Прошёл час, и снова французская пуля достала солдата.

Вскрикнул, повалился на землю солдат. Кровь с головы на землю закапала.

Очнулся Беда снова в санитарной палатке. Промыли ему рану, перевязали бинтом голову, послали в команду для раненых. Только не прибыл в команду солдат. Свернулся он с пути и опять в свою гренадерскую роту.

Бьются гренадеры с противником. Промокли солдатские рубахи от пота. Во рту пересохло. Синяки на плечах от ружейной отдачи. В ушах колокольный гул.

Смотрят солдаты — снова Беда тут же рядом в бою.

Заулыбались солдаты. Ещё дружней ударили по врагу.

К исходу дня гренадера ранило в третий раз. Пуля попала в ногу.

В третий раз попал солдат к докторам в палатку. В третий раз получил он приказ — немедля в команду для раненых. Только не выполнил приказа солдат. Свернулся он с пути и опять в свою гренадерскую роту. Хромает, еле идёт солдат.

Явился и вместе со всеми палит по французам.

Разинули рты солдаты. Подивился геройству Ардатов.

— Откуда ты родом такой?

— Где таких делают?

— Не из железа, случайно, куют?

Засмущался солдат.

— С Украины я, — произнёс. — Из-под Полтавы, с Ворсклы-реки. — Потом подумал и гордо добавил: — Солдат государства Российского.

РАЙ И АД

Утомился солдат в походе. Прилёг под кустом на привале. Лёг и крепко уснул. Не услышал солдат, как рота двинулась дальше.

Крепок солдатский сон.

Ночью тем местом бродила Смерть. Идёт, шагает, костлявая, косу свою несёт. Пристальным взглядом внимательно смотрит, считает погибших за день солдат.

Поравнялась Смерть с уснувшим солдатом, ткнула косой — не шевелится. Думает, помер, улыбнулась — и в общий счёт.

Стали решать, куда назначить солдата — в рай или в ад. А так как грехов за солдатом особенных не было, выпала честь отправляться ему на небо.

Спустились ангелы и херувимы, забрали с собой солдата.

Прибыл солдат на небо, очнулся. Смотрит: места незнакомые.

«Видать, от части своей отился», — соображает солдат.

Ходит он, плутает по облакам. Что такое? Ни поля, ни леса, ни речки, чтобы воды напиться.

— Эй вы, люди добрые! — начинает кричать солдат.

Явились ангелы и херувимы.

— Где я, любезные?

— В царстве небесном.

Вылупил солдат глаза от испуга.

«Боже, вот это попал! Эх, и будет мне от ротного командира. Унтер-офицер за отлучку шкуру с живого снимет».

— Помилуйте, отпустите! — взмолился солдат. — Отпустите!

Переглянулись ангелы и херувимы. Впервые такое на небе.

— Отпустите! — кричит солдат. — Меня в роте товарищи ждут. Ротный меня заругает.

Расшумелся солдат на небе.

Услышал господь:

— Что там такое? Кто там порядки райские нарушает?!

Доложили:

— Солдат.

Приказал господь бог привести солдата.

— Ты чем недоволен, служивый?

Струсил солдат при виде господа бога, а потом осмелел:

— В роту назад отпустите.

— В роту?! — усмехнулся господь.

— Ну да. Меня товарищи в роте ждут. Ротный меня заругает. Нельзя мне на небе. Отчизна моя в беде.

Присмотрелся господь, видит — не мёртвый, живой перед ним солдат.

— Тьфу ты! — сплюнул господь с досады. — Снова напутали. Гнать его с неба!

Подбежали ангелы и херувимы, столкнули солдата вниз.

Летит, кувыркается с неба солдат. Заметили черти. Подхватили, потащили солдата в ад.

— Стойте, стойте! — кричит солдат. — В роту назад отпустите!..

Не слушают черти.

Приволокли солдата к кипящим котлам:

— Раздевайся!

Привычен солдат к команде. Разделся.

— Залезай!

Забрался солдат в котёл. Спустился в кипящую воду:

— Хоть кости свои попарю.

Заулыбался, замлев солдат.

Дивятся черти: «Ну и ну! Вот так грешник в котёл попался». Тащат новые связки дров. Дуют сильнее на пламя. Вспотели рогатые. Видят, солдата огонь не берёт.

— Эй, чего там расселся!

Вылез солдат:

— В роту назад отпустите.

— Ах нет, — отвечают черти. — Полезай-ка в студёную воду.

Окунулся солдат.

Видят черти — ледяная вода не берёт солдата. Погнали на раскалённые камни. Камни ему нипочём. Голодом морят. И к такому солдат привычен. Подтянет ремень потуже, знай себе ходит по аду, пугает ружьём чертей:

— В роту назад отпустите!

Мучились, мучились черти с солдатом, другие дела забросили. Не хватает дьявольских сил. Обозлились рогатые:

— Чёрт с тобой! Ступай в свою роту.

Прибыл в роту солдат. «Рассказать или нет? — думает. Решает: — Лучше смолчу. Ротный ещё заругает. Унтер за отлучку шкуру с живого снимет...»

ИСПАНСКАЯ КРОВЬ

Быстро идут французы. Пройдены Вильна, Свенцяны, Полоцк, Гродно, Новогрудок, Сморгонь.

Растянулась французская армия. Вёрст триста по фронту. Вёрст триста вглубь.

Нелегко даётся врагам Россия.

Кони не выносят свирепых маршей — конский идёт падёж.

Люди слабеют в походах — в армии тысячи хворых.

Отстали в пути обозы: всё меньше и меньше, плоше дневной рацион.

Вступают французы в русские сёла. Вот тут-то будет пожива. Хмуро встречают французов села. Ни людей, ни еды, ни тепла. Врывается враг в города. Вот тут-то будет пожива. Голые стены встречают французов, сиротливо стоят дома. Уходят от неприятеля жители. Увозят хлеб, поджигают сено, скот угоняют в леса.

Начинается ропот среди французов:

— Где же русское масло?!

— Где русское сало?!

— Одна лебеда!

Первыми взбунтовались испанцы.

Дело было в лесу. Три дня шумели холодные ливни, хлыстом бичевали солдат. Продрогли, промокли, простыли солдаты. Съели запас сухарей. Окружают их мрачные ели. Тучи свинцовые давят. Сырость со всех сторон. Стали шептаться о чём-то испанцы. Вспоминают родимый дом: солнце Севильи, небо Гренады, Гвадалквивира журчащий плеск.

— Куда мы идём?!

— Зачем мы идём?!

— Нет тут земли испанской!

В испанском отряде сто тридцать три человека. Сговорились солдаты. Решили вернуться домой. Взяли ружья, походные ранцы, по-солдатски построились в ряд.

— Стойте, куда?! — кричат французские лейтенанты.

Козырнули солдаты:

— Домой!

Зашагали испанцы.

— Стойте! Именем императора: стойте! — кричат лейтенанты.

Повернулись испанцы, дали прощальный залп.

Целый день пробирались на запад солдаты. Идут, Испанию вспоминают: солнце Севильи, небо Гренады, Гвадалквивира ласкающий плеск.

Шагают испанцы. Не знают солдаты того, что грозный приказ уже отдан по армии.

Заслонили солдатам войска дорогу, перекрыли на запад пути.

Схватили испанцев, разоружили. Построили, бедных, в ряд:

— Каждый второй выходит наружу.

Вышел каждый второй. Подняли французы ружья.

— Именем императора: пли!

Грянули залпы.

Обагрила русскую землю испанская кровь.

ХЛЕБ-СОЛЬ

Решили французские офицеры сделать Наполеону приятное.

Знали они, что у русских такой обычай: встречать дорогих гостей хлебом и солью. Вот бы сюрприз императору.

Приступили французы к делу. Явились в село Прокоповичи, собрали крестьян, объяснили, в чём дело.

Жмутся крестьяне:

— Да село у нас бедное.

— Село невеликое.

— Барин к тому же сбежал.

— Но-но! — прикрикнули офицеры. — Обойдёмся без барина.

Пошукали крестьяне между собой:

— Ладно. Будет исполнено.

Прибыли офицеры на следующий день проверить, всё ли со встречей в порядке. Смотрят — ни хлеба, ни соли нет.

Набросились французы на мужиков.

Разводят крестьяне руками:

— Да муки у нас для хорошего хлеба нет.

Ругнулись офицеры. Приказали из армейских запасов привезти муки в Прокоповичи.

Явились на следующий день. Смотрят — снова ни хлеба, ни соли.

Разводят крестьяне руками:

— Соли, ваши благородия, не оказалось.

Ругнулись опять французы. Приказали доставить с воинских складов армейских соль.

Прибывают на третий день:

— Ну как, всё ли готово?

Разводят крестьяне руками:

— С дровами, ваши благородия, худо. Нечем огня разложить.

Начинают французы терять терпение:

— Как нет?! Лес же у вас под боком!

— Так ведь то барский, ваши благородия, лес.

— Барин же ваш сбежал.

— А вдруг как воротится! Барин у нас того, строгий.

Что офицерам делать? Позвали солдат, отправили в лес, приказали рубить дрова.

Явились французы снова:

— Ну, каков получился хлеб?

Разводят крестьяне руками.

— Да что вы! — вскипели французы. — Плетей захотели? Жизни не жалко? За ослушание — смерть!

— Воля ваша, — отвечают крестьяне. — Только ведь бабы наши все, как единая, хворые, некому хлеб испечь.

Замаялись офицеры. Уж и не рады, что придумали хлеб и соль. Пришлось им срочно вызывать армейского пекаря.

Наконец-то всё в полнейшем порядке.

— Ну, — говорят они мужикам, — чтобы завтра быть чисто умытыми, чисто одетыми, девчатам ленты в косы вплести.

— Будет исполнено.

Прибывают французы на пятый день. Встречает их каравай испечённого хлеба. Запах душистый. Корка искристая. Рядом солонка стоит.

Довольны французские офицеры. Побежали они по селу собирать крестьян. Только что же такое?! Пустое село. Осмотрели избы, сараи, овины — ни единого жителя. Ушли крестьяне целыми семьями в лес.

Разразились французы страшенней бранью. Уж и так и этак поносят крестьян. Однако что же тут делать: не нести же самим хлеб и соль императору?

Сели они на коней. Едут лесной дорогой. Вдруг метнулись в испуге лошади. Грязнули выстрелы. Полоснула из леса дробь: крестьянская хлебсоль.

[БУРГУНДСКОЕ](#)

Против Наполеона сражалось тридцать казачьих полков. Приметны лихие казаки. Синие куртки, штаны с огневыми лампасами. Чёрная шапка с белым султаном. Пика, ружьё. Конь боевой. Характер бедовый. Казацкая чёлка бугром торчит.

Боялись донских казаков французы. Увидят казацкие пики, услышат казацкие гики — сторонятся. Боялись французы. А вот лейтенант граф де ла Бийянкур не боялся.

— Хотите, я вам казака пригоню живого? — заявил он товарищам.

Усмехнулись французы.

Знают кавалерийские офицеры, что лейтенант вояка неробкий. Однако такое, чтоб в плен, да живого...

— Не верите? — обижается лейтенант. — Вот честь вам моя дворянская. Вот слово вам графское. Хотите пари?

Заключили они пари. На ящик вина бургундского.

И вот лейтенанту представился случай. Смотрят французы: едет казак по полю. Едет себе, не торопится. Трубку табаком набивает.

Душа, добрый конь,

Эх, и душа, до-обрый конь!

плывёт казачий напев над полем.

Вшпорил де ла Бийянкур коня, бросился казаку наперерез. Скачет, саблей до срока машет: руку свою проверяет.

Увидел казак француза, развернулся ему навстречу. Трубку за пояс, песню в карман, пику немедля к бою.

Подскакал лейтенант и прямо с ходу, привстав в стременах, саблей стук по казацкой пике. Разлетелась на части пика. Лишь древко в хозяйских руках осталось.

Не готов был казак к такому. Не о пике думал, голову оберегал. Удачен манёвр лейтенантский: обезоружен казак.

— Сдавайся, сдавайся! — кричит де ла Бийянкур. И снова саблю свою заносит.

Понял казак, что дело с таким непросто. Отпрянул поспешно он в сторону. Смотрит, чем же с врагом сразиться. Ружьё за плечом — сейчас не дотянешься, нагайка висит у пояса. Схватил нагайку казак.

Съехались снова они. Острая сабля в руках француза. Простая нагайка в казацких руках.

— Сдавайся! — кричит лейтенант.

— Сейчас, ваше благородие, — процидил сквозь зубы казак. Вскинул нагайку, в седле подался, по руке офицера хвать.

Вскрикнул француз. Разжалась рука. Выпал острый клинок на землю.

Присвистнул казак, привстал в стременах и начал хлестать француза. Бьёт, приговаривает:

— Вот так-то, твоё благородие... Вот так-то. А ну-ка, бочком повернись. Вот так-то. А ну-ка ещё... Эх, главное место жаль под седлом укрыто!..

Видят французские офицеры, что их товарищ попал в беду. Помчались на помощь. Не растерялся казак. Схватил де ла Бийянкура за ворот мундира, перекинул к себе на седло, пришпорил коня и помчался к ближайшему лесу.

Опоздали французы. Скрылся казак в лесу. А лес для русского — дом родной. Как огня, боятся французы русского леса.

Остановились они, сожалеючи смотрят вслед.

— Э-эх, ни за что пропал лейтенант! Уехало наше бургундское.

БЕССТЫДСТВО

Лейб-гвардии его величества казачий полк шёл в арьергарде барклаевских войск. Каждый день у казаков с неприятелем то большие, то малые стычки. Привыкли гвардейцы к опасной жизни. Каждый лезет вперёд, норовит проявить геройство.

Под городом Витебском казаки созоровали.

Казачий полк стоял на одном берегу Двины. На другом, высоком, расположились лагерем французские кирасиры. Заметили гвардейцы у берега сторожевой пост неприятеля. Руки чешутся. Кровь играет. Вот бы кого побить. Только как же к врагам подкрасться? За версту всё видит французский пост. И вот собралось человек десять. Расседлали они коней, разделись, взяли пики,ступили в воду, оттолкнулись от берега.

Казаки не без хитрости. Плынут так, что еле-еле чубы из воды виднеются. За гривы лошадиные держатся. За шеи лошадиные прячутся.

Глянешь с противоположного берега: плывёт табун рассёдланных лошадей — видать, от своих отбился.

Смотрят французы, довольны. Спустились они к реке. Поджидают живой гостинец.

Подплыли гвардейцы к чужому берегу. Почуяли землю. Вскочили. Схватили пики, перебили французский пост.

Расхрабрились совсем казаки. Мало им, что побили пост, решили ворваться к французам в лагерь.

Прыгнули на лошадей. Гикнули. Свистнули. Пики вперёд: уступай молодцам дорогу.

Обомлели французы: что за чудо — голые всадники.

Пронеслись казаки по лагерю, поработали пиками, развернули коней и назад.

Скачут, смеются:

- Я память двоим оставил.
- Мы с Гавреем троих прикончили.
- Я офицера, кажись, пырнул.

Весело озорникам. Только рано они смеялись. Поднялся по тревоге кирасирский полк. Помчались французы вдогонку. Зашли слева, справа. Погнали казаков на камни к крутому, словно стена, обрыву Двины.

Подскакали лейб-казаки к обрыву, придержали коней:

- Братцы, стена!

А кирасиры всё ближе и ближе.

— Н-да, плохи наши дела.

А кирасиры всё ближе и ближе.

Вот уже взлетели в небо тяжёлые кирасирские палаши.

— Эх, погибать, так со славою! — выкрикнул кто-то.

Похлопал казак скакуна по гриве:

— Спасай, выручай, родимый!

Взвился конь на дыбы. Метнулся, заржал — и в воду с обрыва.

Следом бросились остальные.

Дружна с удальцами удача. Никто не побился. Переплыли гвардейцы Двину. Прокричали:

— Привет французам!..

Бывший при полковом лагере штабной офицер возмущался:

— Голыми! Да по какому уставу! Его величества полк, и вдруг... Тут же конфуз для российского войска!

Доложил он Барклаю де Толли.

— Да, да, — соглашался Барклай. — А ну, садись-ка, пиши приказ: плетей казакам за бесстыдство, за геройство вручить медали.

ДВА КУРЬЕРА

Мчится курьер из Первой русской армии от генерала Барклая де Толли во Вторую русскую армию к генералу Багратиону.

Мчится курьер из Второй русской армии от генерала Багратиона в Первую русскую армию к генералу Барклаю де Толли.

Пробираются курьеры окружными дорогами. Объезжают французские сторожевые посты, обходят французские части. Стараются ехать то лесом, то балкой. Больше ночью и меньше днём.

Мчатся офицеры навстречу друг другу, съехались на половине пути.

— Ну как у вас в армии Первой?

— Ну как у вас во Второй?

Разговорились курьеры. Каждому хочется геройством похвастать.

— А мы под Полоцком девятьсот французов пленили, — заявляет первый курьер.

— А у нас под местечком Миром атаман Платов с казаками устроил засаду и порубал без малого целый французский полк, — отвечает курьер второй.

— А у нас генерал Коновницын под Островной сразился с самим Мюратом.

— А наш генерал Раевский под Дашковкой побил Даву^[3].

Спорят офицеры между собой. Один другому не уступает.

— У нас солдаты самые смелые.

— Нет, у нас самые смелые.

— У нас генералы самые умные.

— Вот и неправда: умнейшие в нашем войске.

Чуть не подрались курьеры. Хорошо, что шёл в это время лесом старик крестьянин. Остановили его курьеры:

— Рассуди-ка нас, старый.

Торопятся, перебивают один другого.

Выслушал молча крестьянин.

— Да-а, — произнёс.

Полез в карман. Достал яблоко, вынул нож, разрезал на две половины:

— Ешьте.

Съели курьеры.

— Ну, какая доля вкуснее?

Смотрят офицеры удивлённо на старого. Что за нелепый вопрос! Оно же из единого целого. Как же так, чтобы вкус у одного яблока и вдруг оказался разный!

Не ясен курьерам намёк крестьянский.

— Да-а, — произнёс стариk. Смотрит — над лесом сокол кружит. Соколиными крыльями машет. Указал крестьянин рукой на небо. — Какое крыло сильнее?

Смотрят офицеры удивлённо то на сокола, то на крестьянина. Что за нелепый вопрос! Как же так, чтобы у сокола и крылья по силе вдруг оказались разные!

Опять не понимают офицеры намёк крестьянский.

— Ты нам головы не муты!

— Зубы не заговаривай!

— Э-эх! — Обозлился стариk, выломил две хворостины. — А ну-ка снимай мундиры, — и вновь за своё: — Посмотрим, какая больнее хлещет.

Переглянулись офицеры. Хотели обидеться. И вдруг рассмеялись. Дошло наконец до спорщиков.

А до всех ли из вас дошло?

[«ГДЕ ЖЕ ОНИ, ГЕРОИ?»](#)

Соединились русские армии под Смоленском, приняли бой.

Два дня французы штурмуют город.

Атака. Снова атака.

Атака. Снова атака.

Топот солдатских ног. Пушек звериный рёв. Груды людей побитых.

Рвутся солдаты навстречу французам. Не ожидая команд, ударяют в штыки. Безрассудны герои. Картечь так картечь. Гранаты — пусть будут гранаты. Нет страха в солдатских душах. Один на роту французов лезет. Двое — на целый полк.

Бьются рядом полки: Симбирский, Волынский, Уфимский. Бьются другие полки и роты. Не уступает в геройстве сосед соседу.

Солдат из симбирцев Егор Пинаев ранен штыком в ключицу. Брызжет по телу кровь. Не слышит Пинаев боли:

— В атаку! В атаку!

Оторвало волынцу Петру Занозе гранатой ухо. Вытер Заноза кровь, шуткой других забавляет:

— Муха не птица, овца не волчица, ухо не голова.

Уфимцу Рассаде перебило картечью ноги. Рухнул на землю солдат. Лёжа целит, в врага стреляет:

— Братцы, вперёд!

Бьются герои. Льётся потоками кровь.

К исходу второго дня от страшной вражеской канонады загорелся город Смоленск.

Пламя рванулось к небу. Рассыпались в разные стороны тысячи искр. Дым повалил по улицам, повис над Днепром туманами. С треском рушатся здания. Нечем дышать от гарева. Негде укрыться от палева. Бушует, мечется огненный водоворот, идёт по холмам смоленским.

Бьются симбирцы, волынцы, уфимцы. Бьются другие полки и роты. Неведом героям страх.

Подходят на помощь французам всё новые и новые части. Понимает Барклай де Толли — не осилить французов русским, ночью отдал приказ отойти войскам.

Снялись полки с позиций, бесшумно ушли за Днепр. Меряют новые вёрсты.

Шагает в строю Пинаев. Шагает в строю Заноза. Везут на возу Рассаду.

Проходят симбирцы, волынцы, уфимцы. Проходят другие полки и роты.

Проезжает вдоль войск генерал Барклай де Толли:

— Слава героям!

Переглядываются солдаты:

«Кому это Барклай де Толли кричит привет?»

— Видать, волынцам, — решают симбирцы.

— Видать, уфимцам, — решают волынцы.

— Видать, симбирцам, — решают уфимцы.

Озираются солдаты по сторонам: «Где же они, герои?»

АФРИКА

Французы шли из Смоленска к Дорогобужу. Группа солдат во главе с молодым лейтенантом продвигалась вдоль днепровского берега. И вдруг из-за береговой кручи, из-за кустов и развесистых ив послышались выстрелы.

Один, второй, третий...

Без промаха бьют свинцовые пули. Что ни выстрел — французом меньше.

Приказал лейтенант остановить продвижение. Прижались солдаты к земле, открыли ответный огонь.

«Видать, значительный отряд, — соображает лейтенант. — Рота, а может быть, и больше». Стал он просить подмогу. Доложил по команде.

Явилась подмога. Прислали и пушку.

— Пушка, пали!

Грянула пушка. Пронеслось ядро по кустам, прошипело, волчком закружились по круче. Второе ядро врезалось в старую иву. Расщепило, искалечило ствол. Качнулась, рухнула ива.

— Ура! — закричали французы.

Стреляют солдаты. Бьёт, не смолкая, пушка. Идёт настоящий бой.

— Целься сюда! — подаёт команду лейтенант. — Целься сюда! Левее, правее, ещё правее...

Стреляют французы, а не знают того, что у Днепра в ивняке всего-навсего один русский солдат находится.

Перебегает солдат от куста к кусту, от ивы к иве, стреляет из разных мест — вот и кажется со стороны, что целый отряд сражается.

До самого вечера шла перестрелка. Наконец русский солдат умолк.

— Франции вива! Императору слава! — закричали французы.

Доложил лейтенант начальству, что одержал он большую победу, уложил целую роту русских солдат.

Утром к этому месту прибыл сам генерал. Интересно ему взглянуть на побитых русских. Двинулись французы к берегу Днепра, под старые ивы. Идёт лейтенант, сердце стучит. Думает: «Человек пятьдесят русских побил. Потом поправляется: — Нет, сто». Ждёт он наград за усердие.

— Там рота, целая рота легла, — докладывает генералу.

Вышли они к Днепру, идут по крутым берегам. Идут, да только русских не видно. Обошли берег и в одну и в другую сторону — всего один русский солдат валяется. Приник он к земле, словно в атаку бежать собрался.

— Ну где же ваша рота? — обратился генерал к лейтенанту.

Не может понять лейтенант, в чём дело. Где же действительно русские?!

— Тут они, тут они были. Видать, разбежались...

Усмехнулся генерал.

— М-да... Вот она, ваша рота, — ткнул рукой на русского егеря.

В тот же день о подвиге русского солдата доложили Наполеону.

— Один? — переспросил император. — С ружьём против роты солдат и пушки?

— Так точно, ваше величество.

— Лев, лев... — произнёс Наполеон. Потом повысил голос и почти закричал: — Все они львы. Львы, а не люди. Не Россия, а Африка!

Глава вторая

НОВЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ВОЕННЫЙ МАНЕВР

Нелёгкая жизнь досталась Кутузову. Нелёгкая, зато славная.

В 1812 году Михаилу Илларионовичу Кутузову исполнилось 67 лет.

Много всего позади. Не счесть боёв и походов. Крым и Дунай, поля Австрии, Измаильские грозные стены. Бой под Алуштой, осада Очакова, у Кагула упорный бой.

Трижды Кутузов был тяжело ранен. Дважды к голову, раз в щёку. В одном из сражений Кутузову выбило правый глаз.

Пора бы уже в отставку, на старицкий покой, так ведь нет — помнит народ Кутузова. Вот и сейчас. Собирайся, мол, старый конь. Кутузов едет к войскам. Новый главнокомандующий едет.

Рады солдаты. «Едет Кутузов бить французов», — идёт по солдатским рядам.

Бегут рысаки по дороге. Солнце стоит в зените. Мирно гудят стрекозы. Ветер ласкает травы.

Едет Кутузов, сам с собой рассуждает: «Плохи, плохи наши дела. Нехорошо, когда армия отступает. Непривычно для русских солдат этакое. Орлы! Да ведь силы наши пока слабы. Армию сберегать надо. Смерть без армии государству Российскому. Но и солдат понимать нужно. Душу русскую понимать».

Прибыл Кутузов к войскам.

— Ура! — кричат главнокомандующему солдаты. — Веди нас, батюшка, в бой. Утомились, заждались.

— Правда ваша, правда, — отвечает Кутузов. — Пора унять супостата.

Довольны солдаты, перемигиваются: вот он, настоящий боевой генерал.

— Что мы — не русские? — продолжает Кутузов. — Что нам, в силе господь отказал? Что нам, храбрости не хватает? Сколько же нам отступать!

— Вот это слова!

— Ура генералу Кутузову!

Довольны солдаты. «Ну, братцы, — ни шагу назад. Не сегодня-завтра решительный бой».

Спокойно заснули солдаты. Пробудились на следующий день, им объявляют первый приказ Кутузова. В приказе чёрным по белому значится — продолжать отступление.

Зароптали солдаты:

— А бой?

— Что-то непонятное, — разводят они руками.

— Может, приказ от старых времён остался?

Увидели солдаты Кутузова:

— Ваша светлость, так что же, опять отступление?

Посмотрел на солдат Кутузов, хитро прищурил свой единственный глаз:

— Кто сказал — отступление? Сие есть военный манёвр.

НОВЫЕ ПОРЯДКИ

Решил Кутузов обехать войска, посмотреть на боевые полки и роты. Взял он штабных генералов, тронулся в путь.

Едет, встречает пехотный полк. Лежат на привале солдаты.

Увидели пехотные командиры главнокомандующего и генералов:

— Встать!

Повсюду солдаты, застыли, как сосны.

Подъехал Кутузов:

— Не надо, не надо. Пусть лежат, отдыхают солдаты. На то и привал.

Подивились пехотные командиры: впервые так, чтобы перед главнокомандующим и генералами не надо было вставать во фронт, распустили они солдат.

Едет Кутузов дальше, встречает уланский полк. Расположился полк у какой-то реки. Сняли уланы мундиры, засучили рукава и штаны, коней боевых купают.

Увидели уланские, командиры Кутузова:

— Стройся!

Бросили уланы своих коней, построились в ряд.

Подъехал Кутузов:

— Отставить! — И строго на офицеров: — Тут не мне — коню боевому внимание.

Едет Кутузов дальше, встречает артиллерийскую батарею. Пушки солдаты чистят.

Увидели главнокомандующего артиллерийские командиры:

— Становись!

— Разойдись! — ещё издали крикнул Кутузов. Подъехал ближе, стал отчитывать командиров: — Не сметь отрывать пушкарей от дела. Пусть солдаты пушки к боям готовят.

Объехал Кутузов немало полков и рот. И всюду одно и то же. Увидят офицеры Кутузова:

— Стройся!

— Отставить! — кричит Кутузов. — Тут война, не военный парад.

Поражаются армейские офицеры:

— Порядки какие-то новые!

Прошло несколько дней.

Войска стояли у города Гжатска. В какой-то избе собрались офицеры. Пьют вино, веселятся, играют в карты. Шум и крики, как дым при пожаре, из окон столбом валят.

Проезжал Кутузов мимо избы, услышал разгульные крики. Решил посмотреть, что там в избе творится. Слез он с коня, заходит в избу.

Увидели офицеры главнокомандующего, соображают: встать им, не встать, бросить игру или нет? Вспоминают наказ Кутузова, решают остаться на месте. Продолжают в карты себе сражаться.

Постоял, постоял Кутузов, покачал головой: «Да, неплохо усвоили наказ офицеры. Поняли, что к чему».

— А ну-ка, голубчики, — вдруг произнёс, — коли время у вас свободное, там у ворот Серко мой с дороги стоит нечищенный. Ступайте к нему. Ступайте, голубчики. Да поживее! — прикрикнул Кутузов.

Опесили офицеры. Приказ есть приказ. Вскочили, помчались вон из избы. Дорогой разводят руками:

— Чтобы офицеру да чистить коня! Порядки какие-то новые...

КТО КАК ДУМАЕТ

Вечер. Штабная изба. Тускло горят две свечи. Кутузов сидит за простым крестьянским столом, подписывает приказы и распоряжения.

Рядом вытянулся дежурный генерал, подаёт одну за другой бумаги.

При каждой новой бумаге Кутузов обращается к дежурному с одним и тем же вопросом:

— Про что тут, голубчик?

Генерал докладывает.

— Так, так... — кивает головой Кутузов. Затем начинает читать. Читает долго, не торопясь. Если глянуть со стороны, можно подумать: не заснул ли главнокомандующий? Но вот Кутузов берёт перо — гусиным в то время ещё писали, — макает его в чернильницу и осторожно выводит подпись.

Над одной из бумаг Кутузов задержался особенно долго. Прочитал раз, второй, повёл своим единственным глазом на генерала, наконец произнёс:

— Не пойму что-то. Перескажи-ка, голубчик.

— Прошение, ваша светлость.

— Так.

— От помещицы Смоленской губернии Нашёкиной Глафиры Захаровны.

— Так.

— Драгунские фуражиры скосили, ваша, светлость, зелёный овёс на поле помещицы. Владелица просит о возмещении убытков в размере сорока четырёх рублей.

— Так, — произнёс Кутузов, посмотрел на генерала. — Как же нам быть, голубчик?

— Мародёрство, ваша светлость, — отвечает генерал. — Тут по всей строгости надобно. Под арест бы виновных.

Кутузов закивал головой, повернулся к своему адъютанту:

— А ты как, голубчик?

— Надобно извиниться перед графиней. Солдатам — шпицрутенов, ваша светлость.

— Так.

Кутузов поднялся из-за стола, прошёл в сенцы, открыл выходную дверь.

— Эй, братец! — окликнул стоящего у избы караульного. — Ступай-ка сюда.

Солдат нерешительно переступил порог, вытянулся:

— Слушаю, ваша светлость.

Объяснил Кутузов, в чём дело. Ждёт, что же ответит солдат. Караульный замялся, переступил с ноги на ногу.

— Так что же, голубчик?

— Лес рубят — щепки летят, — гаркнул солдат. — Россию отдаём, неужто, ваша светлость, овсом скупиться!

Кутузов поднял глаз на солдата:

— Родом откуда?

— Деревенька Глушково. В семи верстах от Смоленска.

— Так деревня твоя под французом?

— Сожгли мужики деревеньку.

— Та-ак, — произнёс Кутузов. — Ладно, ступай. — Повернулся к своим офицерам: — Слыхали?! Как же нам быть?

Задел офицеров ответ солдата.

— Солдат — мужик, — заявил генерал. — Солдату чужого добра не жалко. Наш долг защищать дворянство.

— Дворянство — оплот царю и отечеству, — произнёс адъютант. — Права графиня Нащёкина, тут надобны строгости, в пример для других.

— Да-а, — протянул Кутузов, — «лес рубят — щепки летят...» — повторил он слова солдата, подошёл к столу, взял в руки письмо, вновь прочитал, поморщился и вдруг разорвал на мелкие части. — Позорнейший документ для россиянина. Не смею в армейских делах хранить.

Затем Кутузов склонился к столу, открыл стоящий на нём деревянный ларец, отсчитал сорок четыре рубля из собственных денег, протянул адъютанту:

— На, отправь графине Нащёкиной. Да отпиши, что главнокомандующим отдан специальный приказ и произведён с виновных строжайший взыск.

ЛЮБОПЫТНЫЙ ГУСЬ

Далеко прошли от русской границы французы. Без малого тысячу вёрст.
Сколько их по пути побито! Тысячи в русской земле зарыты. Сколько
вернётся домой калек!

Начинают роптать солдаты:

- Куда нас ведут?..
- Нам бы отдых в Смоленске нужен...
- Нам бы дальше Днепра неходить.

С каждым шагом врагу труднее. Обтрепаться успели солдаты. Голодно им
в пути.

Попадётся солдатам краюха хлеба — чуть ли не драка. Отобьют у крестьян
скотину — прямо со шкурой её едят.

Где-то за Вязьмой в Сычёвском уезде ночевали солдаты у речки.
Проснулись утром, видят — по лугу гусь здоровенный ходит.

Как он сюда попал? Деревни кругом пустые. Крестьяне со скарбом давно в
лесах. То ли птица отбилась от общей стаи, то ли просто был любопытным
гусь: пришёл посмотреть на французов.

Вскочили солдаты:

- Лови!
- Окружай!
- За лапу хватай!

Хоть гусь и не очень прыткая птица, а всё же поди схвати. Заметался гусак
по лугу. Шею тянет, шипит. Как парусами, крыльями хлопает. Тяпнул
клювом за штаны одного солдата. Тяпнул за палец второго. Отбивается
длинношней, ускользает из самых рук.

Проснулись от шума другие солдаты. Бегут на подмогу новые.

- Заходи к нему сзади!
- От речки гони!
- С фронта!
- С тыла!

— Давай во фланг!.. — как в настоящем бою, раздаются над лугом команды.

Как ни бился, всё же попался гусь. Схватили его солдаты. Глаза разгорелись, рты приоткрылись, слюна течёт.

На лугу оказались солдаты разных частей. Были французы, были пруссаки, итальянцы, и даже из дальних кустов примчался житель вольного города Гамбурга.

Возник у добытчиков спор.

— Гусь наш, — говорят французы.

— Гусь наш! — кричат пруссаки.

— Гусь наш! — шумят итальянцы.

— Гусь мой! — вопит житель Гамбурга. — Я первым его схватил.

Сцепились солдаты. Ругань стоит над лугом:

— Прусское рыло!

— Итальянская швабра!

— Эй, француз, лягушку живую съешь!

Приехал на шум генерал. Прикрикнул, навёл порядок.

— В чём дело?

Мнутся солдаты.

— В чём дело? — повторил генерал.

— Гусь... — отвечают солдаты.

Смотрят, а где же гусь?.. Нет, не видно, не слышно нигде пернатого. Лишь перо, как память о нём, в руках у одного из солдат осталось.

Пока шумели, ругались солдаты, гусь юрк между ног и к речке быстрее ходу. С лапы на лапу, с лапы на лапу, с берега в воду поспешно прыг. Отплыл, залез в камыши. Лишь глазом оттуда удивлённо посматривает. Видать, и впрямь любопытный гусь.

МЕШОК С ДЕНЬГАМИ

Богатый мужик Дормидонт Проскуров стал торговать с французами.

У других крестьян французы ни за какие деньги ничего не достанут. Лучше сожгут крестьяне, лучше в реке утопят, лучше в лес волкам отнесут лишь бы не французам.

А Дормидонт Проскуров — пожалуйста!

Видит он, что французы на деньги нескупы. Чего упускать момент, не трижды живём на свете.

Продал Проскуров

зерно,

сено,

корову,

козу,

распродал гусей и кур.

Мешок специальный завёл. Деньги в мешок собирает.

Рассуждает: чего бы ещё продать?

Вспомнил он о соленых. Продаёт огурцы и капусту, грибов небольшой остаток.

Небывалый у Дормидонта Проскурова торг.

— А репу возьмёте?

— Возьмём.

— А морковь?

— Возьмём и морковь, — отвечают французы.

Разбухает мешок с деньгами. Даже жмых Дормидонт перегнавший продал.

Наконец Проскуров продал последнее. В общем, ни с чем остался.

«Бог с ним, — решает. — Денег мешок. Я теперь на всю округу самый богатый. Раз в десять больше всего накуплю».

Был Дормидонт продавцом, стал теперь покупателем. Отправился вёрст за двадцать в не занятое французами село на базар. Ходит что гоголь.

Тут посмотрит, там приценится, и это и то пощупает.

Облюбовал

тёлку,

корову,

кона,

второго коня.

Ну и пригонит домой богатства!..

Вот и сошёлся в цене. Начинает считать кредитки:

— Раз, два, три...

— Э, да ты подожди, постой... Они же фальшивые!

— Что! — заревел Проскуров. — Какие фальшивые? Они же французами плачены!..

Стал собираться народ. Стали смотреть кредитки. Так и есть, все, как одна, фальшивые.

А дело в том, что, отправляясь в Россию, Наполеон приказал напечатать фальшивых денег. Оттого-то французы и щедры.

Взвыл Дормидонт Проскуров. И туда, и сюда, к одному и к другому... Да только никто на фальшивые деньги продавать ему ничего не согласен.

Вернулся домой он черней чернозёма. Есть хочется — никто не даёт. Худеет страдалец бедный.

Наконец какой-то озорной мужичонка нашёлся:

— Хочешь краюху хлеба?

— Давай!!!

— Только тащи свой мешок с деньгами.

Поскулил, поскучил Дормидонт, отдал мешок: есть хочется. «О господи, это за краюху-то и все-то мои богатства!»

Сожгли крестьяне фальшивые деньги.

Прошёл день.

Снова Проскурову кушать хочется. Никто не даёт. Никто не здоровается. Не желают знать крестьяне предателя.

Как же он жил?

Да так вот и жил. Пока совсем не отошёл и не помер.

Жалко? Нисколько.

[ДЕЛИКАТНОСТЬ](#)

Многие дворяне при подходе французов бросали свои имения и уезжали.

Однако были такие, которые и оставались. Не уехала и княгиня Затонская.

— Французы меня не тронут, — заявила княгиня. — Я во французском духе воспитана. Я романы на их языке читаю. Французы — сама деликатность.

Махнул старый князь рукой:

— Ну, как знаешь.

Взял и уехал.

Осталась одна княгиня да девка при ней, Парашка.

Пришли французы под Вязьму. Какой-то отряд вступил и в имение князей Затонских.

Явились солдаты в дом выбирать ночлег для своего командира.

Прошли они длинным рядом различных комнат, облюбовали одну с окном к восходу.

Комната небольшая, зато уютная. Кровать белым как снег застелена.

Запахи ароматные. Столик, духи на столике.

— Как раз нашему офицеру.

Подошли княгиня и девка Парашка.

— Это комната моя, — объясняет княгиня.

— Это комната её сиятельства, — уточняет Парашка.

«Какое, ещё сиятельство!» — смотрят на женщин солдаты.

— Это комната для нашего офицера, — говорят они грозно.

А в это время офицер вошёл в дом. Услышал он разговор о комнате, подошёл, поклонился княгине.

— Пардон, — произнёс, — мадам. Виконт де Ланжерон, — представился. Поцеловал княгинину ручку. — Убирайтесь! — крикнул солдатам. Шаркнул ногой перед девкой Парашкой. — Пардон, мамзель...

Просияла княгиня. Предлагает она офицеру остаться, выбрать любую из комнат.

— Хотите ту, что с балконом, или нет, лучше ту, что в китайском стиле.

— Господину офицеру лучше бы княжеский кабинет, — предлагает девка Парашка. — Там ружья висят и сабли.

— Не смею, — отвечает виконт, — нарушать ваш покой. Время военное, пересплю по-солдатски.

Сказал, опять поклонился и тут же вышел наружу.

Стоят княгиня с Парашкой.

— Вот это француз! Сама деликатность.

Решил офицер переночевать рядом с княжеским домом в селе. Выбрал избу получше.

— Вот здесь, — указал солдат.

Вошли солдаты в избу, минут через пять вернулись.

— Ваше благородие, там горница занята. Там восемь детей крестьянских. Мал мала меньше. Хозяйка больная — лежит в беспамятстве.

Глянул грозно офицер на солдат:

— Очистить избу немедля!

Побежали солдаты.

Поздно вечером заглянула в село и девка Парашка. Встречает крестьян. Хвалится французским офицером, никак не нахвалится:

— Он ручку барыне поцеловал!.. Солдат из господского дома выгнал. Покавалерски мне поклонился. И всё говорил «пардон». Сие есть деликатность, — объясняла Парашка.

Чешут мужики свои бороды:

— Н-да, ворон ворону глаз не выклюет.

ЦАРСКИЕ ЛОШАДИ

В Екатеринославский драгунский полк поступило конное пополнение — 126 лошадей.

Кони не простые, из царских конюшен. Сам Константин Павлович Романов, родной брат царя Александра, их для полка пожаловал. Правда, за плату.

- Повезло, — рассуждают драгуны.
- Кони небось в сажень. С трудом на таких залезешь.
- Кабы не война, видал бы ты этих коней!
- Ныне и царский род для войны не скучится.
- А как же, и им не чужа Россия!

Потом пошёл разговор, почём за коней уплачено.

- По двести двадцать пять рублей серебром за штуку.
- Деньги немалые. Тройная, выходит, цена.
- Так ведь и лошади царские.

Прибыли кони.

Столпились драгуны, стоят глазеют.

Кони какие-то странные. Ростом по грудь. Кожа к костям прилипла. Многие вовсе беззубые.

- Может, ошибка, — перешептываются драгуны.
- Царские, может, только ещё в пути.

Ошибки не было. Пришёл коновал. Стал проверять, здоровы ли кони. Порядок такой из веков в кавалерийских войсках. И вот — 45 оказались больными сапом. Чтобы не разносили заразу, тут же их пришлось пристрелить. 55 — не подходили по старости. Продали их немедля. С трудом по 40 рублей где уж серебром, в бумажных рублях — ассигнациями.

Лишь 26 лошадей были причислены в полк. И то, честно сказать, с натяжкой.

— Да-а, — рассуждают драгуны. — Выходит, царский братец того... устроил обман-коммерцию.

— Как купец, гнилое подсунул.

— На войне поднабил карман.

— Не кони, выходит, хворые, — тихо промолвил какой-то солдат, — в царёвом роду, видать, червоточина.

[«ГОСПОДИ, ПОМОГИ!..»](#)

Где-то в глухи, в смоленских лесах и чащобах, затерялся мужской монастырь.

Бьют монахи земные поклоны:

— Господи, помоги, уйми супостата, силу нашим войскам пошли!..

Бьют монахи земные поклоны. Молятся, молятся, молятся. Только не слышит их слов господь. Наступают кругом французы.

— Господи, не оставь! Помоги!.. — взывают монахи. Предают Наполеона они анафеме, беды всякие кличут, лютые кары ему сулят.

Однако господь, словно и нет-то его на небе, молчит и молчит. То ли спит, лежебока, на облаке, то ли просто, разбойник, ленился.

Нашлись среди монахов такие, которые сняли свои сутаны, надели мирское, ружья в руки вместо креста и влились в русское войско.

А остальные остались. Продолжают у бога защиту вымаливать.

Просили, просили — не отозвался господь. Пришли в монастырь французы, какая-то конная часть.

Загадили кони подворье. Солдаты в погребах монастырских рыщут, в кельях песни свои кричат.

В испуге живут монахи. Днём с совками и мётлами ходят — убирают конячий навоз. И лишь ночью, забившись в кельи, тихонько продолжают господу богу поклоны бить.

Приехал как-то французский полковник. Собрал он монахов.

— А ну молебен во славу императора Наполеона!

Замялись монахи, да что же тут делать. Побьют их французы. Кто же тогда господа бога будет просить о спасении, кто же будет поклоны бить?!

Отслужили монахи молебен в честь императора Наполеона.

— И впредь служить ежедневно! — отдал строгий приказ полковник.

— Слушаем, — пискнули черносутанники.

Так и служат теперь монахи. Утром — за здравие императора, ночью — за упокой.

— Уйми ты его, супостата!.. — гнут свои спины до десятого пота. Лютые кары ему пошли!..

Да только не отзывается что-то господь.

То ли в просьбах господь запутался, то ли просто всевышний ленился.

[«ВОЙСКО ВТОРОГО СОРТА»](#)

По всей России в срочном порядке собирали для армии новых солдат. Из губерний Санкт-Петербургской, Московской, Нижегородской, из других губерний и мест России походным маршем шли они на войну. Крестьяне бросали свою соху, мелкие торговцы до лучших времён закрывали лавки. Обозники, каретники, плотники, горожане любых ремёсел оставляли свой дом и труд.

Называли новых солдат ополченцами.

Враг наступал. Для учений времени не было. Умел держать ружьё, не умел — всё равно, ты отныне есть боевой солдат.

— Братцы, в боях научимся!

Под городом Гжатском к русской армии присоединились сразу двадцать пять тысяч таких новобранцев.

— Эка сила какая прибыла! — подзадоривают новых солдат бывалые. — Что грибов в урожайный год. Значит, вас прямо в бой. Карасями на сковородку.

Ходят ополченцы, настоящим солдатам завидуют.

У солдат в разный цвет мундиры, панталоны в обтяжку, на ногах башмаки.

У ополченцев простые кафтаны, портки-шаровары, сапоги невоенного края.

У солдат шапки с султанами, кивера и кокарды.

У ополченцев просто фуражки.

У солдат ружья, штыки на ружьях.

У ополченцев ружьё на троих.

— Вы рангом нас чуть пониже, — смеются солдаты. — Войско второго сорта.

Всюду вновь прибывшему меньший почёт. Так и тут, на войне.

Под тем же городом Гжатском ополченцы имели первое «дело».

Отличились они в бою. Отбили и в плен пригнали отряд французов.

Сгрудились у пленных солдаты.

— Ты смотри!

— Ну и бороды!

— Ну и кафтаны!

Рады ополченцы, что их солдаты бывалые хвалят. Осмелели. Стали просить, чтобы каждому дали ружья.

— Не давать им, не давать ружья! — смеются солдаты. — Да они с ружьями всех французов в плен заберут, нам ничего не оставят.

Конечно, дали бы новым солдатам ружья. Да ведь ружей в армии не хватало, многотысячной стала армия. Ружья — они не грибы. Их в лесу под кустами не сыщешь. Ружья делать и делать надо.

Да разве главное в ружьях? Ружьё без солдата не стрельнёт. Солдат и без ружья победит.

ГРИШЕНЬКА

Кутузов читал письмо:

«Милостивый государь, батюшка Михаил Илларионович!..»

Письмо было от старого друга-генерала, ныне уже вышедшего в отставку. Генерал вспоминал многолетнюю службу с Кутузовым, былые походы. Поздравлял с назначением на пост главнокомандующего. Желал новых

успехов. Но главное, ради чего писалось письмо, было в самом конце. Речь шла о генеральском сыне, молодом офицере Гришеньке.

Генерал просил Кутузова в память о старой дружбе пригреть Гришеньку, взять в штаб, а лучше всего — в адъютанты.

— Да-а, — вздохнул Кутузов. — Не с этого мы начинали. Видать, молодёжь не та уже нынче. Все ищут, где бы теплее, где жизнь спокойнее. Всё в штаб да в штаб, нет бы на поле боя.

Однако дружба есть дружба. Генерал был боевым, заслуженным. Кутузов его уважал и решил исполнить отцовскую просьбу.

Через несколько дней Гришенька прибыл.

Смотрит Кутузов — стоит перед ним птенец. Не офицер, а мальчишка. Ростом Кутузову едва до плеча. Худ, как тростинка. На губах пух, ни разу не тронутый бритвой.

Даже смешно стало Кутузову. «Да, не та пошла молодёжь, офицерство теперь не то. Хлипкость в душе и теле».

Расспросил Кутузов Гришеньку об отце, вспомнил о матушке.

— Ну ладно, ступай. Исполнил я просьбу Петра Никодимыча — шей адъютантский наряд.

Однако офицер не уходит...

— Ваша светлость!

Кутузов нахмурился. Понял, что молодой офицер начнёт благодарить.

— Ступай, ступай!

— Ваша светлость!.. — опять начинает Гришенька.

Кутузов поморщился: «Эка какой прилипчивый».

— Ну что тебе?

— Михаил Илларионович, мне бы в полк... Мне бы в армию к князю Петру Багратиону, — пролепетал Гришенька.

Развеселился от этого вдруг Кутузов. Смотрит на малый рост офицера, на пух, что вместо усов над верхней губой. «Дитё, как есть дитё». Жалко стало юнца Кутузову. Куда же посыпать такого птенца под пули...

— Не могу, не могу, — говорит. — Батюшке твоему другое обещано.

Дрогнули у офицера губы. Ну, право, вот-вот расплачется.

— Не могу, — повторил Кутузов. — Да куда тебе в полк! Тебя-то и солдаты в бою не приметят.

Обиделся офицер:

— Так и Суворов ведь был не саженного роста.

Кутузов удивлённо поднял глаза. Понял он, что Гришенька не из тех, кто за отцовскую спину лезет. Подошёл фельдмаршал к офицеру, расцеловал.

— Ладно, ладно. Вот и батюшка твой, бывало... — Кутузов не договорил: стариковская слеза подступила к глазу.

Постояли они минуту.

— Ступай, — махнул рукой наконец Кутузов. — Быть посему: лети, крылатый, своей дорогой.

Гришенька вытянулся, ловко повернулся на каблуках, вышел. А Кутузов долго и задумчиво смотрел ему вслед. Затем он потребовал лист бумаги и принялся писать письмо старому генералу.

«Милостивый государь, батюшка Пётр Никодимович!

Радость господь послал мне великую. Прибыл твой Гришенька. И сдаётся мне, что сие не новый побег, а юность наша с тобой явилась. Спасибо тебе за такой сюрприз. Уповаю видеть его в героях...»

Потом подумал и приписал:

«Просьбу твою исполнил. Отныне Гришенька у меня на самом приметном месте: при душе моей в адъютантах...»

Получив письмо, старый генерал долго ломал голову. «„При душе“ — как же это понять? Эх, приотстал я в военном деле: видать, при главнокомандующем новую должность ввели».

ТАТАРИН

У города Гжатска солдаты хоронили погибших товарищей. Вырыли большую могилу. Место выбрали на вышине, на холме у трёх сосен.

Глянешь отсюда налево — речки-певуны круты изгибы. Глянешь направо бежит дорога. Посмотришь вперёд — поля и поля, необъятная даль России.

Спите спокойно, герои.

Перенесли солдаты погибших на холм, положили у края могилы. Ждут армейского батюшку для отпевания.

Лежат, как в строю, убитые. Только глаза закрыты. Руки у всех на груди. Разные лица: молодые и старые, тощие, полные, усыпанные, с пухом на месте усов, с густыми бровями, с редкими, а вот и совсем безбровый, широкой лопатой скулы.

— Так это ж татарин!

Смотрят солдаты, как же им быть — татарин другой, не христианской веры. Какое ж ему отпевание? Как бы того, не покарал бы господь за такое дело.

Сгрудились, перешептываются между собой солдаты.

— Конечно, оно не по праву. Да ведь вместе сражался. Погиб за Россию. Хоть и не христианская, а тоже солдатская кровь. Нет, нельзя, не похристиански его в сторонку. Пусть остаётся со всеми.

Явился батюшка, вынул кадило, пригладил свою поповскую бороду, приготовился.

Только хотел начинать отпевание, видит — лежит татарин.

Нахмурился батюшка:

— Убрать!

Не шевелятся солдаты.

— Убрать, — повторил священник.

— Ваше преподобие, — полезли солдаты, — пусть остаётся. Он же солдат. Господь не осудит.

Перекосилось от слов подобных лицо священника. Скула с бородой отвалилась, открылся и замер, словно в распорках, рот.

— Богохульники! — заревел батюшка. — Христопрода́вцы! Кайтесь, кайтесь святым угодникам!..

Переглянулись солдаты: не речи, а гром. Хотели они идти на попятную. Да что-то их удержало. Братство, видать, солдатское.

В это время холмом мимо трёх сосен ехал Кутузов. Видит: священник, могила, лежат убитые. Снял Кутузов фуражку, слез с лошади, перекрестился.

— В чём дело, ваше преподобие?

Объяснил священник, в чём дело. Посмотрел Кутузов на побитых солдат, на татарина, посмотрел на живых солдат, обратился к священнику:

— А нельзя ли солдат уважить?

— Ваша светлость, побойтесь бога!..

— Ладно, ладно, — поморщился главнокомандующий. Глянул опять на солдат, опять на священника, показал на кадило: — Дай-ка сию вещицу.

Поп растерялся и отдал.

Кутузов взял и сам замахал кадилом.

ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ДРАГУНСКИЙ ПОЛК

Много в русской армии разных полков: Московский пехотный, Московский драгунский, Полтавский, Смоленский, Елецкий, Иркутский, Литовский уланский, Ахтырский гусарский... Ингерманландский^[4] драгунский полк.

Отходят войска от Гжатска, дорогой идут к Можайску.

Остановились ингерманландские драгуны на ночёвку в селе Заболотном, расседлали коней.

Окружили драгун крестьяне:

— Откуда родом, служивые, будете?

— Новгородские.

— Вологодские.

— Из-под славного города Санкт-Петербурга.

— С Волхова.

- Из Ижорской земли.
- Понятно, — отвечают крестьяне. — А мы-то думали — вы нерусские.
- Как так? — поразились драгуны.
- Да название больно у вас диковинное.
- Так не мы же его придумали. По губернии нашей значимся.
- Ясно, — протянули крестьяне.

Переночевали драгуны в селе Заболотном, на следующий день опять ночёвка в новом каком-то селе.

Обступили драгун крестьяне:

- Откуда, служивые, будете?
- Новгородские.
- Вологодские.
- Из-под славного города Санкт-Петербурга.
- С Волхова.
- Из Ижорской земли.
- Понятно, — отвечают крестьяне. — А мы-то думали — вы нерусские.
- Что, название больно диковинное? — усмехнулись драгуны.
- Нет, — говорят крестьяне. — Уж больно прытко русскую землю врагу отдаёте.

Смутились драгуны. Ну и крестьянский язык — режет острее бритвы.

- Так ведь это военный манёвр, — повторяют слова Кутузова.
- Может, оно и манёвр, — рассуждают крестьяне. — Только что же это за армия, если солдаты по-рачни пятятся.

Обидно слушать такое драгунам. Едут они к Кутузову. Ни шагу назад, решают драгуны. Станем как пень. Хватит сеих манёвров.

А Кутузов и сам уже выбрал место для битвы. К этому месту теперь и подходили войска.

Разыскивали солдаты Кутузова:

— Ваша светлость, сил больше нет. Отмени военный манёвр. Дай команду побить французов.

Улыбнулся Кутузов:

— Час пробил. Быть посему. С богом, служивые!

Доволен главнокомандующий, что пыл боевой в войсках.

— Значит, бой! — зашумели солдаты.

— Бой! — ответил Кутузов.

— Ура! — закричали драгуны.

Едут драгуны к себе в деревню, везут долгожданную весть. Встречают крестьян у окопицы. Кричат для задора:

— Чем же ваше село известно?

Село как село. Чем же оно известно? Ничем.

— Поп у нас рыжий! — выкрикнул кто-то.

— То-то! — смеются солдаты. — Быть ему чёрным от гари и дыма.

Обомлели крестьяне. К чему бы такие речи?

А драгуны опять с вопросом:

— Как величать деревеньку?

— Бородино, — отвечают крестьяне.

Глава третья

БОРОДИНО

ПРОВАЛИЛАСЬ, КАК В ТОПЬ, ТИШИНА

Подымись на колокольню церкви, что стоит в самом центре села Бородино. Осмотрись внимательно по сторонам.

Здесь на огромном, изрытом оврагами поле 7 сентября 1812 года вскипела бессмертная битва. Великая слава России крепла на этих полях. Далёкие праотцы завещали её потомкам. Поклонись великому полю. Поклонись великому мужеству.

Помни!

Знай!

Не забудь!

Перед зарёю, ещё в темноте, никому не сказав ни слова, Кутузов сел на коня и, не доехая версты полторы до Бородина, остановился на холме у деревеньки Горки. Он ещё с вечера облюбовал это место. Тут во время боя будет ставка Кутузова.

Где-то вправо уходила река Колоча, образуя развилку с Москвой-рекою. Здесь начинался правый фланг русских позиций. Затем линия русских полков пересекала новую Смоленскую дорогу и уходила без малого на целых семь вёрст далеко налево, где за Семёновским ручьём и селом Семёновским, у старой Смоленской дороги, лежала деревня Утицы.

В нескольких местах на возвышениях стояли русские батареи. Одной из них, той, что называлась Кургановой, суждено было стать главным местом Бородинской битвы. Это знаменитая батарея Раевского. Левее её, за селом Семёновским, были вырыты флеши — окопы углом к противнику. Это знаменитые Багратионовы флеши.

Правый фланг русских войск занимала армия Барклай де Толли. Левый армия, которой командовал Багратион.

В нескольких верстах от основных сил в низинах и перелесках были укрыты резервные полки, казаки и кавалеристы.

Темно. Молча сидит на коне Кутузов. Не столько видит, сколько по свету догорающих бивачных костров угадывает расположение войск противника. Не столько слышит, сколько острым чутьём бывалого воина улавливает передвижения в неприятельском лагере.

Не торопясь Кутузов слезает с коня. Трудно ему без помощи. Стар, телом гружен Кутузов. Не вернёшь молодые годы. Кряхтя, главнокомандующий становится на колени, нагибается, прикладывает ухо к земле. Проверяет свои догадки. Гулко отдаёт земля в ночной тишине. Без ошибки, как музыкант, определяет Кутузов малейшие звуки.

Затем он подымается. Снова садится верхом на коня. И снова смотрит и смотрит в ночную даль.

На востоке проглянула первая полоска зари. Грачи завозились на вётлах. Конь под Кутузовым дёрнул траву копытом, тихо заржал.

Подскакали обеспокоенные адъютанты, генералы из кутузовской свиты, офицеры из штаба. Окружили они Кутузова.

Всё светлее, светлее восток. Округа с холма словно в твоей ладони. Притихло, замерло всё. Недвижны войска. Немота над полями. Лишь тучки над лесом крадутся кошачьим шагом.

И вдруг рванули раскаты пушки. Провалилась, как в топь, тишина. Ударил час Бородинской битвы.

«ЭТО УДВОИТ СИЛЫ»

Размещая войска перед битвой, на левый фланг Кутузов поставил армию Багратиона. Место здесь самое опасное. Подходы открытые. Понимает Кутузов, что тут французы начнут атаку.

— Не мало ли войска у князя Петра? — заволновался кто-то из штабных генералов.

— Там же Багратион, — ответил Кутузов. — Это удвоит силы.

Как и думал Кутузов, Наполеон действительно ударил на левый фланг. Взять Багратионовы флеши, а потом уже бросить войска на центр — таков план императора.

130 французских пушек открыли огонь. Три кавалерийских корпуса ринулись к флешам. Десятки пехотных полков смешались на малом месте. Лучшие маршалы Франции — Ней, Даву и Мюрат лично ведут атаку.

— Это на одного генерала и столько-то маршалов, — шутят в русских войсках.

— Князю Багратиону хоть пять давай!

— Держись, не робей, ребята!

За атакой идёт атака. Страха не знают французы. Лезет на флеши вместо убитых новых героев ряд.

— Браво, браво! — кричит Багратион. Не может сдержать похвалы героям.

Но и русские сшибы не ржавой иглой. Не меньше у русских отваги. Сошли две стены. Бьются герой с героем. Не уступает смельчак смельчаку. Словно коса на камень. Русские ни шагу назад, французы ни шагу вперёд. Лишь курганы растут из солдат побитых.

Не стихает у флешей бой. Солнце уже высоко. Не сдаются упрямые флеши.

Негодует Наполеон. Срываются план императорский.

Посылает он двести, триста, четыреста пушек. Грозен приказ императора:

— Все силы на левый фланг!

Бросаются в битву новые силы.

— Ну как, отступил Багратион?

— Нет, ваше величество.

[ГДЕ ИСКАТЬ БАГРАТИОНА?](#)

Скачут от Кутузова к Багратиону посыльные. Везут приказы, наказы, распоряжения. Трудно в бою разыскать генерала. Багратион не сидит на месте.

— Не генерал я, а первый солдат, — любит он шуткой ответить.

Ищут курьеры князя Петра.

— Тут он, — решают.

— Генерал вон там, — посылают курьеров в другое место.

Прискачут туда посыльные.

— Был, да отбыл, — слышат в ответ.

Скачут дальше курьеры. И опять без удачи. Теряют посыльные драгоценное время. Пот у коней проступает.

И лишь один офицер Воейков, как только получит приказ от Кутузова, сразу же Багриона находит.

Завидно другим посыльным: «Эка какой удачив Воейков!» Стали они у него допытывать, как это он без ошибки знает, куда скакать.

— Очень просто, — отвечает Воейков. — Князь Пётр Иванович Багратион самолично мне в том помогает.

Обижаются офицеры. Понимают, что шутит Воейков.

— Ты головы нам не моти. Глупыми нас не считай. Признавайся, какой у тебя секрет.

Рассмеялся Воейков.

— Секрет? Вот он, секрет, — показал рукой в сторону Багратионовой армии.

Смотрят курьеры. Ничего необычного там не видят. Армия как армия. Бой как бой. Стрельба. Дым. Штыковые атаки. В стонах земля содрогается.

— Зорче, зорче глядите! — кричит Воейков. — Где самое жаркое место?

Нашли офицеры.

— Вон там, — тычут поспешно пальцами.

— Туда и скачите, — ответил Воейков. — Там мой секрет. В самом пекле Багратиона ищите. Будет всегда удача.

НЕПОБЕДИМАЯ ШПАГА

Кирасир Адрианов во время Бородинской битвы был приставлен к Багратиону. Зрительную трубу подавал генералу, поддерживал за уздцы коня, во фляге таскал ключевую воду.

Неотступен, как тень, кирасир Адрианов. Посматривает он на князя Петра, на горбатый орлиный нос («грузинец», — рассуждает солдат), на длинные цепкие руки («такие шпагу не выпустят»), на ладную фигуру Багратиона («девкам на загляденье»).

Нравится Адрианову генерал. И за боевую удачу, и за то, как говорит с солдатами: все «братьцы» или «ребята». И как воду из фляги пьёт.

Глотками большими, словно силу в себя вбирает.

Но больше всего Адрианову нравится тот момент, когда, приподнявшись на стременах и вытянув кверху руку, голосом зычным, аж дрожь по спине, Багратион прокричит:

— В атаку!

Вот и сейчас. Вот уже генерал подался в седле. Вот-вот призывное крикнет. И вдруг... о пригородок вналиёт ядро. И в ту же секунду Адрианов решил, что привиделось. Из правой ноги генерала на землю хлынула кровь.

Осел генерал. Вцепился в поводья:

«Усидеть, усидеть. Виду войскам не подать».

Минута казалась годом. Качнулся Багратион. Без стона повалился на землю.

Подбежала генеральская свита. Стащили сапог. Мундир расстегнули. Отложили стальной шпагу.

Явился армейский доктор. Осмотрел, покачал головой:

— Осколок. Смертельно.

Кое-кто потянулся к шляпам. Вырвался стон у пожилого полковника.

Адрианов пытался пробиться к Багратиону. Его оттеснили.

— Я же при генерале!..

— Ступай, ступай! — прикрикнули офицеры. — Больше не надобен.

«Убит, убит», — пошло по войскам.

И вдруг непонятное стряслось с кирасиром. Увидел он Багратионову шпагу. Секунду смотрел. Потом схватил — и навстречу французам. Добежал, пырнул одного, другого. Замерли офицеры. Затаили солдаты дыхание. Разит кирасир Адрианов врагов, лишь шпага на солнце сверкает. Багратиона, непобедимая шпага.

НАСТОЙ ВАЛЕРЬЯНОВЫЙ

В центре русских войск между левым и правым крылом возвышался курган — самая высокая точка на всём Бородинском поле.

На кургане была поставлена русская батарея. Теперь, после гибели Багратиона, когда французам наконец удалось потеснить левый фланг, все их силы были брошены к центру. Курганская батарея оказалась главным местом сражения.

К полуночи батарея дважды переходила из рук в руки. Упорство и с той и с другой стороны достигло предела. Под генералом Барклаем де Толли убита пятая лошадь. Не стихает страшная канонада. Ядра, словно плуги, вздывают землю. Градом по полю стучит картечь. Хрипят недобитые кони. Одноким воплем раздалось чьё-то рыдание. Умирая, кто-то молится богу. Неистово бьют барабаны. Чёрное облако дыма закрыло солнце.

Французы опять потеснили русских.

Стоит Кутузов на возвышенном месте у Горок, зорко следит за битвой. Подзорная труба в руках у Кутузова. Окружают его адъютанты, курьеры, посыльные. То одного, то другого манит к себе Кутузов:

- А ну-ка, голубчик, скачи на Курганныю.
- Ступай-ка, батенька, в корпус Дохтурова.
- Разведай, братец, как дела у Раевского.

Мягко, без крика отдаёт приказы Кутузов. Всё у него на счету: куда подвести резервы, какому генералу сменить позицию, к какому месту подвинуть пушки.

Знает Кутузов, что в битве бывает всякое. Иногда и отступишь на шаг, зато после десять отмеришь вперёд.

Хладнокровен в бою Кутузов. Видит он, что французы теснят у Курганный русских. Однако не это в бою главнейшее. Победу в конце считают.

В это время влетает на холм генерал Вольцоген. Конь генеральский взмылен. Лицо генерала бледное. Уздечка в руках мелкую дробь выбивает.

Осадил генерал коня.

— Отступаем, — кричит, — отступаем! Рушится, ваша светлость, центр!

Вольцоген был генерал не из храбрых, хотя на словах и бойкий. Недолюбливал его Кутузов.

Видит Кутузов, что центр действительно заколебался. Смотрит на это место, потом подымает взгляд на Вольцогена:

- Да что вы, голубчик, я ничего не вижу.
- Вот же, вот же! — кричит Вольцоген. — Взгляните, — и тянет подзорную трубу главнокомандующему.

Поднял Кутузов трубу, приложил к незрячему глазу, тому, что был выбит ещё лет тридцать назад под Алуштой.

— Нет, — говорит, — ничего не вижу.

Понял Вольцоген хитрость Кутузова, промолчал. Повернулся он к месту боя. Смотрит, а там действительно отступление кончилось.

Удалили наши солдаты в штыки, сами гонят французов.

Усмехнулся Кутузов:

— Да вы, батенька, видать, стороны перепутали. Бывает, голубчик, бывает. Оно от усталости... — Подозвал адъютанта: — Генералу настой валерьяновый.

[ЗАВТРАК ГЕНЕРАЛА МИЛОРАДОВИЧА](#)

Пока Кутузов разговаривал с генералом Вольцогеном, у Курганной батареи произошло вот что. Сюда на помощь Барклаю де Толли с правого фланга по приказанию Кутузова прискакал генерал Милорадович. Как раз русские начали отступление.

Горяч Милорадович. Лихой, боевой генерал, суворовский. Не зря он послан сюда Кутузовым.

Кричит Милорадович что-то солдатам, глохнут, как в вате, в артиллерийском гуле слова. Решил генерал личным примером увлечь войска. Взял он с собой адъютанта и с места в карьер, галопом по полю навстречу французам. Влетел на пригород, осадил скакуна, спрыгнул на землю.

— Распорядитесь, — командует адъютанту, — подать сюда завтрак.

Многое видел адъютант на своём веку, знал генеральскую лихость, однако такое... Стоит, растерялся.

Рвутся кругом гранаты. Картечь как дождём поливает — верная смерть.

— Завтрак подать! — кричит Милорадович.

Бросился адъютант выполнять приказание. Тащат генералу еду. Ухватил он утиную ногу, из фляги водой запивает.

Не стихает зловещий бой. Ядра бугор осыпают. Видят солдаты под огнём генерала.

— Господи, пищей, никак, занялся!

— Да ну!

— Ей-ей! Утиную ногу ест.

— Выходит, наши дела неплохи.

— Братцы, вперёд!

Собрались солдаты с силами, бросились на французов. Этот момент и увидел с холма Вольцоген.

Уцелел под огнём Милорадович. Понял: не зря прискакал под пули. Отшвырнул недоеденный кус утятину. Снова вскочил на коня. Вернулся к своим полкам:

— Дружно вперёд! Герои!

Бьются, бьются солдаты. Огромным факелом пылает Бородино. Третий час после полудня. Кто сказал, что попятались русские?!

РУКА

Молодой офицер Бибиков, уходя на войну, мечтал о подвиге, о геройстве.

Прибыл Бибиков в армию, надеялся попасть в боевой полк. Однако судьба поступила иначе. Определили его офицером в штаб, для переписки разных бумаг и приказов.

— Какое же в штабе геройство... — вздыхает Бибиков. — Где же я подвиг здесь совершу, чем же имя своё прославлю!..

Прошло два месяца. Наступил день Бородинской битвы. Сражение было в самом разгаре. Пушки палили и с той и с другой стороны с такой силой, что не только человеческих голосов, но и ружейной стрельбы не было слышно. Бой шёл за Курганную батарею. В это время Бибиков был послан к командиру одного из полков с приказом оставить свои позиции и срочно идти на помощь к генералу Раевскому.

Вскочил Бибиков на коня, помчался выполнять важное поручение. Рад, что наконец из штаба вырвался. Едет, всё о подвиге думает.

Торопится Бибиков, знает — поручение срочное. Лихо мчит через гущу боя.

Разыскал он указанный полк, передаёт приказ командиру.

— Громче, громче! — кричит командир.

Заглушает канонада слова посыльного. Не может понять полковник, в каком направлении двигаться.

Привстал тогда Бибиков в стременах, протянул руку в нужную сторону. Только протянул, как просвистало, пролетело неприятельское ядро, ударило Бибикова в самый локоть. Обломилась, отлетела, как хворостина, рука. Вскрикнул Бибиков от боли, стал валиться с коня. Падает, а сам понимает, что не передал он важный приказ полковнику. Собрал офицер последние силы вторую руку в том же направлении тянет.

— К Курганной батарее, на помощь Раевскому... — прохрипел, упал и тут же лишился сознания.

Понял полковник. Снялись солдаты, пошли на помощь товарищам.

Весть о подвиге молодого офицера быстро прошла по русским полкам. Достигла она и Кутузова.

— Молодец! — прослезился Кутузов. — Отменный, видать, офицер. К награде его. В списки героев. На вечные времена — внукам в пример, отчизне во славу.

Пришёл в себя Бибиков только вечером, уже в санитарной палатке.

Смотрит на то место, где ещё утром была рука, сокрушается:

— Как же я подвиг теперь совершу, чем же имя своё прославлю!..

БОГАТЫРСКАЯ СИЛА

Батарея поручика Жабрина срочно меняла позиции. Впрягли солдаты коней, торопятся к новому месту. Полки генерала Милорадовича пошли в наступление. Срочно нужна подмога.

— Живей, живей! — командует Жабрин. — Душу вам наизнанку... Кому говорят: живей!

Дорога лежала местом недавней схватки. Спустились кони в низинку. Всё поле завалено трупами. Русские, французы лежат вповалку. Крест-накрест, один на другом. Словно бы вовсе не люди, а кто-то кули разбросал по полю.

Остановились солдаты.

— О господи!

Глянул Жабрин направо, глянул налево. Нет свободного места. Времени нет объехать. Перекрестился поручик.

— Прямо, вперёд! Мёртвый живого не схватит...

Солдат Епифанов чуть отстал от других. Страх обуял солдата. Прикрыл он глаза. Скорей бы проехать жестоким местом. Подбрасывает пушку как на ухабах. Мурашки идут по солдатской спине. Вдруг тихий протяжный стон. Приоткрыл Епифанов глаза. Прямо под пушкой, у самого колеса, шевельнулся седоусый капрал. Солдата аж пот прошиб.

— Тпру! — закричал на коней Епифанов. Спрыгнул на землю.

Лежит, стонет в бреду капрал. Бок в кровяных подтёках. Кивер лежит в стороне. Однако ружьё при себе, под мышкой.

Подбежал Епифанов к капралу. Пытается вытащить из-под колёс. Грузен, тяжёл капрал. Другими телами придавлен.

Шевельнулся страдалец. Глянул на свет, на солдата, на пушку:

— Откуда?

— Канониры мы, — зачастил Епифанов. — С левого фланга на правый фланг. На подмогу идём рысями. Слышишь, дядя, пальба вокруг...
Наступает генерал Милорадович.

— Наш, наш генерал! — закричал капрал. — А ну-ка выше, голову выше мне!

Смотрит капрал, а там, на бугре, лавиной идут солдаты. Слышит старый воин привычные звуки. Словно товарищей слышит зов.

Улыбка прошла по лицу капрала:

— А ну, подмогни!

Помог подняться капралу с земли Епифанов.

— А ну-ка кивер надень.

Надел Епифанов на седую голову кивер.

Подтянулся, словно в строю, капрал. Изготовил ружьё, как в атаке. Шаг левой, шаг правой. С шага на бег перешёл капрал.

Опесил солдат Епифанов: кровь из капрала хлещет.

— Ура-а! — победно несётся с холма.

— Ура-а! — ответно кричит капрал.

Пробежал он метров десять — пятнадцать и вдруг, словно дуб-великан под взмахом последним удальца дровосека, рухнул плашмя на землю.

Подлетел Епифанов к герою. Не стонет, не дышит капрал. Кончил воин свой путь солдатский.

Догнал Епифанов своих. Набросился Жабрин:

— Где пропадал?! Душа твоя воробышная!..

Объясняет солдат задержку. Никак не придёт в себя. О старом капрале, сбиваясь, рассказывает.

Утихнул поручик Жабрин. Молча стоят солдаты.

— Так звать как? Как величать героя?

Разводит Епифанов руками:

— Капрал. Старый такой. С усами. Силы в нём совсем ещё не было.

Сняли солдаты шапки.

— Силы в нём не было?! Дурак, богатырская сила в нём.

[СОЛДАТСКОЕ СЕРДЦЕ](#)

Сдружились они в походах: солдат молодой и солдат бывалый — Клим Дуга и Матвей Бородулин. Вместе отступали от самого Немана. Вместе бились у Витебска. Чуть не погибли у стен Смоленска. Вместе пришли к Бородинскому полю.

Матвей Бородулин при Климе Дуге словно бы дядька. Уму-разуму в военных делах наставляет: как порох держать сухим, как штык наточить, как лучше идти в походе, чтобы ноги не так устали. На привале Бородулин уступит младшему место поближе к костру.

Упрётся Дуга:

— Да что я, дитё какое?

— Ложись, ложись! — прикрикнет солдат. — Я привычный. Мне на холодку даже и лучше.

Делят кашу, и тут Бородулин о друге думает. Из миски своей в миску к нему добрую часть отвалит.

— Дядя Матвей, — отбивается Клим, — да что я — к откорому хряк?

— Ешь, ешь! Тебе в рост. Тебе в пользу.

В Бородинской битве солдаты сражались рядом. Клим — богатырь, Бородулин — усох с годами. Прикрывает Дуга старшего друга. Недоглядел: ранило вдруг солдата. Повалился Матвей Бородулин на землю, талым сугробом осел.

— Дядя Матвей! — закричал Дуга. Рухнул он на колени, тормошит Бородулина. Ухо к груди приложит. — Дяденька Матвей! Родненький!..

Приоткрыл Бородулин глаза, глянул на друга.

— Воды, — простонал и снова забылся.

Схватились солдаты за фляги — пусты солдатские фляги. Скоро десять часов, как бой. Не осталось во флягах глотка воды.

Нет воды. Ручья поблизости нет. Ближайший ручей в руках у французов.

— Воды! Воды! Воды! — идёт по солдатским рядам.

Нет нигде, как в пустыне, воды.

Поднялся Дуга на ноги. Смотрит растерянным взглядом. И вдруг словно током прошло по солдату. Схватил он пустую флягу, руку задрал в вышину и рванулся навстречу французам, туда, где штыки и ружья, где за ними ручей в овраге.

Перехватило у тех, кто был рядом, дух.

— Господи, верная смерть...

— Леший!

— Достался Дуга французам.

Смотрят солдаты с тревогой вслед. Смотрят на бегущего русского и сами французы.

— Камрады, — кричит Дуга, — дядька Матвей погибает! Дядька просит воды! — и флягой пустой, как паролем, машет.

— Во-о-ды! — несётся над полем.

Французы хотя и враги, а тоже ведь люди. Непонятна им русская речь. Однако сердцем людским понятно — неспроста побежал солдат.

Расступились французы, открыли дорогу к ручью.

Стих на участке огонь. Не стреляет ни эта, ни та сторона. Замерло всё.
Лиши:

— Дядька Матвей погибает! — режут воздух слова солдата.

Добежал Дуга до оврага. Зачерпнул флягу воды студёной, вразворот — и помчался назад коридором солдат французских.

Подбежал он к дядьке Матвею, снова стал на колени, голову поднял, флягу поднёс ко рту. Смочил лоб.

Приоткрыл Бородулин глаза, вернулось к солдату сознание, признал молодого друга:

— Где же ты водицу, родной, достал?

Где?

Из сердца достал солдатского.

РЫЖИК

Родился он маленьkim-маленьkim, рыженьkim-рыженьkim, словно в беличью шубку одет. Поднялся на хилые ножки, удивлённо глянул на белый свет и нежно заржал.

— Рыжик! — вырвалось у кого-то.

Так и остался лошадёнок при этом имени.

Прошло три года. Рыжик вырос, окреп. Не конь — загляденье. Шея тонкая, ноги стройные. Буйным ветром летит по полю.

Вскоре Рыжик попал на военную службу. Определили его в гусарский полк к самому командиру. Однако не понравился чем-то коню гусарский начальник. То ли годами полковник стар, то ли сердце имел недоброе. Не подпускает Рыжик к себе командира: бьёт копытом, рвёт удила.

Разозлился полковник, отдал коня своему адъютанту. Однако и тут неудача. То ли зелен-молод совсем адъютант, то ли душа у него нехрабрая. Не признаёт конь офицера, свечкой вздымаet к небу.

Намучились в гусарском полку с конём. Наконец решили отчислить упрямца. Да только тут влились в русскую армию казаки генерала Платова. Казак Савостин и выпросил Рыжика.

Почуял Рыжик славную руку хозяина. Савостин лихой казак. Савостин всегда впереди. И Рыжик привык к почётному мести. Смирились другие кони, почтительно уступают ему дорогу.

Гордится Рыжик своим хозяином. И Савостин к Рыжику, как к лучшему другу. Сам его кормит, сам его поит. Сам чистит и гладит коня.

В самый разгар Бородинской битвы Кутузов отдал приказ казакам генерала Платова и кавалерийским полкам генерала Уварова быстрым маршем пройти по французским тылам, ударить противнику в спину.

Помчались лихие кавалеристы, с криком и шумом обрушились на неприятеля. Не ожидали французы русских в своём тылу. Завязался горячий бой. Дрогнула французская конница. Врезались казаки в ряды французской пехоты, прошлись, как ножом по маслу.

В это время Савостина ранило. Вылетел казак из седла, рухнул на землю.

Прокочил Рыжик с разгона сквозь французский заслон, остановился. Повёл головой. Вначале тихо, потом громко заржал. Много тогда коней без седоков оказалось. Стали лошади собираться около Рыжика.

Привыкли ходить за ним. Создался целый табун. Заметался по полю Рыжик — ищет хозяина. И другие кони за ним то в одну, то в другую сторону. Хоть лошади и без седоков, да в общей массе и они боевой отряд, — завидя их, разбегаются враз французы. Разыскал Рыжик Савостина. Взобрался казак на коня. Полетел догонять товарищей. Мчится Рыжик по полю, голову держит высоко-высоко.

Лихим назвать бы его, а не Рыжиком. Да только клички даются с детства.

[ПТИЦА-СЛАВА](#)

Солдат Изюмов до Бородинской битвы ни разу не отличился. Хотя и мечтал о славе. Всё думал, как бы её поймать.

Ещё в самом начале войны у Изюмова произошёл такой разговор с каким-то солдатом.

— Что такое есть слава? — спросил Изюмов.

— Слава есть птица, — ответил солдат. — Она над боем всегда кружится. Кто схватит — тому и слава.

То ли в шутку сказал солдат, то ли и сам в подобное верил, только потерял с той поры Изюмов покой. Всё о птице чудесной думает. Как же её поймать?

Думал об этом под Витебском. Другие солдаты идут в атаку, смело колотят врагов. А Изюмов всё время на небо смотрит. Эх, не прозевать бы волшебную птицу! И всё-таки прозевал. Слава другим досталась.

Во время боёв под Смоленском опять повторилось такое же самое. И здесь остался без славы солдат.

В огорчении страшном Изюмов. Пожаловался он товарищам на свою неудачу.

Рассмеялись солдаты:

— Славу не ловят, слава сама за храбрым летит. Она и правда как птица. Только лучше о ней не думать. Отпугнуть её можно враз.

И вот в Бородинском сражении солдат и вправду забыл о славе. Не то чтобы сразу, а как-то так, что и сам того не заметил.

Битва клонилась к концу. Французы стараются вырвать победу. На русскую пехоту были брошены кирасирские и уланские полки. Разогнали кавалеристы коней: сторонись — любого сметут с дороги.

Глянул Изюмов и замер. Замер и тут же забыл о славе. Об одном лишь, как устоять против конных, думает.

А кони всё ближе и ближе. Растопчат они солдат. Обрушатся палаши и острые сабли на русские головы. Изюмов даже поёжился. Стоял он в самом первом ряду.

— Ружья к бою! Целься. Подпускай на убойный огонь! — раздалась команда.

Вскинул ружьё Изюмов. Стрельнул. А что дальше произошло, то точно и не расскажет. Со стороны-то оно виднее.

Стоял Изюмов секунду как столб, а потом вдруг вскинул ружьё на манер штыковой атаки и ринулся навстречу французской коннице.

Побежали за ним солдаты. И получилось, что пеший пошёл в атаку на конного.

— Ура! — голосит Изюмов.

— Ура! — не смолкают другие солдаты.

Опесили французские кирасиры и уланы. На войне ещё не бывало такого. И хотя атаку свою, конечно, они не отставили, однако поколебался как-то у конных дух. А это в сражении главное. Наполовину пропал замах.

Подлетели солдаты к французам, заработали штыками, словно бы вилами. Чудо творится на поле — пеший конного вдруг побивает. Разгорелся солдатский пыл.

— Братцы, колите коня под брюхо! Бейте француза прикладом, коль штык у кого слетел! — разошёлся вовсю Изюмов.

Французы совсем растерялись. Всё реже и реже взмахи французских сабель. Всё тише руки удар. Минута, и дрогнут французы. Вот и действительно дрогнули. Дают вразворот коней.

Казалось бы, всё. Победа уже одержана. Так нет.

— Братцы, вдогон! — закричал Изюмов.

Побежали солдаты вслед за французами. Пеший за конным бежит по полю. Глянешь — не поверишь своим глазам.

Конечно, лошадиные ноги быстрее солдатских ног. И всё же немало нашлось французов, которым русский штык успел продырявить спины.

Даже отстав, солдаты продолжали, как копья, бросать во французов ружья свои со штыками.

Ускакали французы. Подобрали солдаты ружья, стали возвращаться к своим.

Идут солдаты, а навстречу солдатам:

— Героям слава!

— Изюмову слава!

— Храброму честь и почёт!

Обалдели от боя солдаты. Идут, ничего не слышат. Идут, ничего не видят.

Не видят солдаты. Однако мы-то прекрасно видим: птица-слава над ними летит.

[«ДАЙТЕ МНЕ ГВАРДИЮ!»](#)

Возвышенное место у села Шевардино. Здесь напротив центра русских позиций ставка Наполеона. Император был одет в серую походную шинель. Сидел на складном стульчике, то и дело смотрел в подзорную трубу. За все долгие часы Бородинской битвы он ни разу не покинул этого места.

Иногда Наполеон поднимался и начинал молча расхаживать из стороны в сторону. В самые напряжённые моменты битвы сюда долетали русские ядра. Несколько раз они подкатывались к самым ногам императора. Наполеон не сторонился. Он тихо отталкивал их ногой, будто то были простые камни, помешавшие во время прогулки.

За спиной у Наполеона толпилась свита. За свитой находился военный оркестр. Исполнялись военные марши. За холмом в низине стояла французская гвардия — главный резерв императора.

Генералы не узнавали своего императора. Куда-то пропала энергия Наполеона. Он был сумрачен, неразговорчив.

Император не узнавал своих генералов. Никогда он ещё не видел столько тревоги на лицах своих подчинённых.

Генералы не узнавали своих солдат. Не то чтобы бились солдаты хуже, нет, геройства хоть отбавляй, да только никак не осилят русских.

Всё было не так, как всегда. Много император Наполеон одержал великих побед. Не знал себе равных.

Но здесь... Целый день не смолкает битва. А где же победа? Смешно и сказать — сто метров русской земли отбито.

Понимает Наполеон, что изменяет счастье ему военное. Сумрачен император французский.

— А что, если гвардию бросить в бой? — советуют генералы.

Бережёт император гвардию. Не решается бросить в бой.

Подлетает к Наполеону маршал Даву:

— Ваше величество, дайте мне гвардию! Я принесу вам победу.

Поводит император отрицательно головой.

Несётся к императорской ставке Ней:

— Ваше величество, дайте мне гвардию! Победа, ручаюсь, у ваших ног.

Не даёт император гвардию.

Появляется маршал Мюрат, самый любимый французский маршал:

— Дайте мне гвардию!..

Отправляет назад император Мюрата.

Ясно Наполеону, что и гвардия здесь не осилит. А гибель гвардии верная смерть.

Французы отбили Курганную батарею, но дальше не двинулись. Стоят перед ними России солдаты, не солдаты — стальная стена.

День потухал. Солнце катилось к закату. Отгремели орудия. Кончился бой. Завершился кровавый день. Каждая из сторон осталась на старом месте.

ФИЛИ

Маленькая деревня Фили, у самой Москвы. Крестьянская изба. Дубовый стол. Дубовые лавки. Образа в углу. Свисает лампада.

В избе за столом собирались русские генералы. Идёт военный совет. Нужно решить вопрос: оставить Москву без боя или дать новую битву у стен Москвы?

Легко сказать — оставить Москву. Слова такие — ножом по русскому сердцу. За битву стоят генералы.

Нелёгкий час в жизни Кутузова. Он только что произведён в чин. За Бородинское сражение Кутузов удостоен фельдмаршала. Ему, как старшему, как главнокомандующему, как фельдмаршалу, — главное слово: да или нет.

У Бородина не осилили русских французы. Но ведь и русские не осилили. Словом, ничейный бой. Бой хоть ничейный, да как смотреть. Наполеон впервые не разбил армию противника. Русские первыми в мире не уступили Наполеону. Вот почему для русских — это победа. Для французов и Наполеона победы нет.

Рвутся в новый бой генералы. Солдаты за новый бой. Что же решить Кутузову?

Сед, умудрён в военных делах Кутузов. Знает он, что на подмогу к Наполеону торопятся войска из-под Витебска, из-под Смоленска. Хоть и изранен француз, да не убит. По-прежнему больше сил у противника.

Новый бой — окончательный бой. Ой как много военного риска! Тут мерь, перемерь, потом только режь. В армии главная ценность. Главное — войско сберечь. Будет армия цела — будет время разбить врага.

Все ждут, что же скажет Кутузов.

Поднялся фельдмаршал с дубового кресла, глянул на генералов.

Ждут генералы.

Посмотрел Кутузов на образа, на лампаду, глянул в оконце на клок сероватого неба, глянул себе под ноги.

Ждут генералы. Россия ждёт.

— С потерей Москвы, — тихо начал Кутузов, — ещё не потеряна Россия... Но коль уничтожится армия, погибли Москва и Россия.

Кутузов остановился. В оконце стучалась муха. Под грузным телом фельдмаршала скрипнула половица. Послышался чей-то глубокий вздох. Кутузов поднял седую голову. Увидел лицо атамана Платова.

Предательская слеза ползла по щеке бывалого воина. Фельдмаршал понял: важны не слова, а приказ. Он закончил быстро и твёрдо:

— Властью, данной мне государем и отечеством, повелеваю... повелеваю,
— вновь повторил Кутузов, — отступление...

...И вот войска оставляют Москву. Яузский мост. Понуро идут солдаты. Подъехал Кутузов. Смотрит на войско. Видят его солдаты. Видят, но делают вид, что не видят. В первый раз ему не кричат «ура».

Глава четвёртая

КАКАЯ СЕГОДНЯ ПОГОДА

КЛЮЧИ

Наполеон подъехал к Поклонной горе. Поднялся конь на бугристое место — взору открылась Москва.

Шедшая за императором гвардия стала тесниться. Лезут солдаты вперёд.

— Москва! Вот он, конец войне.

И опять, как тогда, при переходе через Неман:

- Слава! Слава! Слава!
- Императору вива!
- Франции вива! — несётся со всех сторон.

Яркое солнце стояло в зените. Город, как чудо, лежал на своих холмах. Золотом крытые маковки церквей и соборов играли, светили, слепили глаза. Вот оно, русское диво.

Здесь при въезде в Москву Наполеон стал ожидать горожан с поклоном. Обычай такой — побеждённым ключи приносить от города.

Наполеон не может скрыть торжества. Победа достигнута. Сейчас принесут ключи. Не сегодня-завтра русский царь Александр пришлёт генералов, запросит мира. С новой славой вернётся император в родной Париж.

И солдатам радость глаза закрыла. Смотрят на город: вот где квартиры, вот где отдых — покой, хлеба и мяса горы.

- Императору слава!
- Вива, вива, вива! — не умолкают солдатские крики.

Надел Наполеон любимый парадный наряд — мундир егерей гвардейских. Синий сюртук, белый жилет. В блеске, как хром, лосины.

Ожидает император слов. Важно, как победителю и подобает, взад-вперёд по Поклонной ходит. Перчатки то снимет, то снова наденет. Платком проведёт по лбу, сунет в карман, снова достанет. Шутка ли сказать — ключи от Москвы... Кому выпадало такое!

Проходит и час, и второй, и больше. Солнце уже не парит. В тучи ушёл небосклон. В ногах и спине усталость.

Император нахмурил брови:

- Что я — мальчишка? Сколько же можно ждать?!

Вдруг скачут офицеры, что были в Москве, в разведке.

- Ваше величество, жителей нет в Москве. За войском ушли горожане.

Сдвинул Наполеон треугольную шляпу:

— Что?!

— Город пуст.

— А ключи?!

Развели офицеры руками.

— Проклятье! — ругнулся Наполеон. Бросил в морду коню перчатки.

Думали французы: в Москве всему делу конец. Ошиблись. Настоящая война только теперь начиналась.

КОСТРЫ

Отступив из Москвы, Кутузов повёл русскую армию по Рязанской дороге.

Тут же, не дав войскам остановки, вслед за русским бросился маршал Мюрат.

Понял Наполеон, что Кутузов оставил Москву неспроста. Отдал её как приманку. В сохранности русская армия.

— Хитрая лиса... Русская бестия! — ругается Наполеон. — Догнать, разгромить, уничтожить!.. — даёт он строжайший приказ Мюрату.

Идёт Мюрат по пятам Кутузова. Идёт день, идёт два... Взбивает пыль на Рязанской дороге. Остановится на ночь. Под самым носом полыхают русских биваков костры. Тут она — армия.

Проснутся французы утром — нет русской армии. И снова поход, снова вдогон. Ночью опять костры. Дымятся и слева и справа. Кажется, протяни только руку — и схватишь за горло русских солдат.

А утром опять никакого войска. Лишь головешки в кострах стреляют.

Несколько дней шёл Мюрат по Рязанской дороге. Исчезла куда-то русская армия.

И правда исчезла. Отойдя от Москвы неполных два перехода, Кутузов неожиданно повернул всю свою армию резко на юг и просёлочными дорогами, заметая следы, повёл её на Тульскую; передохнул и тронулся дальше, к старой Калужской дороге.

Догоняет Мюрат Кутузова по Рязанской дороге, а в это время русские совсем в другой стороне, обошли полукругом Москву, стоят на Калужской.

Идёт Мюрат за ночными огнями. Не может понять, что это военная хитрость. Не армия жжёт костры, а всего-навсего два казачьих полка, специально для этого здесь оставленных.

Стараются казаки. Разложат костры. Много костров. И дальше спешат. К новой ночи дрова припасают.

Не скоро раскрылась хитрость Кутузова. Вернулся Мюрат к Наполеону ни с чем.

В страшном гневе император французский. Забыв свой высокий императорский сан, как последний солдат ругается:

— Куль овсяный!.. Мозги лошадиные!.. — кричит на Мюрата. — Хитрая лиса... Русская бестия! — посыпает проклятья Кутузову.

[МОРЕМ ОГОНЬ КОЛЫШЕТСЯ](#)

Русская армия расположилась южнее Москвы, у села Тарутино.

Кутузов немедленно занялся хозяйственными делами. Армия обтрепалась надо её одеть. Наступила осень — о тёплой одежде надо подумать. С продовольствием плохо — надо пополнить запасы хлебом.

Много у Кутузова разных дел.

И у Наполеона в Москве не меньше. Не оправдались надежды французов. Ушли, увезли всё с собою жители. Нет в Москве ни хлеба, ни мяса. Нечем кормить коней. Лишь вина в погребах без отказа. Напытятся солдаты — идёт грабёж. А где грабёж, там сразу пожары. Осень сухая. Огню раздолье. Запылал Китай-город, Гостиный двор. В Каретном ряду пожарище. В Охотном ряду пожарище. За Москвой-рекой Балчуг горит. Ночами светло как днём. Наполеон в Московском Кремле. Куда ни глянешь отсюда — огонь и огонь. Морем огонь колышется.

— Ваше величество, — обеспокоены французские маршалы и генералы, опасно! Огонь подошёл к Кремлю.

Не хочется Наполеону уходить из Кремля. Неловко и стыдно. Только занял Московский Кремль, и вдруг — будь мил, катись восвояси. Медлит Наполеон.

— Ваше величество, спасайтесь! Быстрее к реке... — умоляют императора генералы.

Медлит Наполеон.

— Ваше величество!..

И вот император нехотя надевает сюртук.

Бушует, мечется пламя.

Наполеон сбегает по широкой дворцовой лестнице: «Это дорога в ад», вспоминает Наполеон слова Коленкура. В злобе кусает губы.

Четыре дня бушевали пожары.

К пятому дню — от Москвы пепелище.

Не город в руках французов — сплошные развалины.

Хороши дела у русских войск под Тарутином. Провианты сюда подвозят. Меняют солдатам одежду. Лошадьми пополняют конницу. Отдыхают спокойно солдаты.

Плохи дела в Москве у французов.

Есть над чем задуматься Наполеону: «Победитель я или нет?»

— Почему же мира не просят русские?!

Проходят три томительно долгих недели. Негодует Наполеон:

— Мир, немедленный мир с Россией!

Не дождался император русских послов. Вызывает своего генерал-адъютанта маркиза Лористона:

— В Тарутино, к этой старой лисице — марш!

КАКАЯ СЕГОДНЯ ПОГОДА

Едет маркиз Лористон к Кутузову. Сопровождает его в штаб-квартиру главнокомандующего поручик Орлов. Едет Орлов, говорит о погоде. Так наказал Кутузов. Ни о чём другом, только как о погоде. Это на всякий случай, чтобы офицер случайно секретов каких не выболтал.

Смотрит Лористон на округу:

— Удачные места под Тарутином.

— Погода сегодня хорошая, — отвечает Орлов.

— Говорят, у вас в войсках пополнение?

— Солнце словно бы летнее, а не осенне, — опять о погоде Орлов.

Удивляется Лористон.

Приехал посол к Кутузову, передал привет от императора, завёл разговор. Начал не сразу о мире. А с жалоб на то, что война эта какая-то странная. Нет бы сражались армии, а то ведь крестьяне вступают в бой. Ведут же бои без правил.

— Простите, но это же лесные разбойники, — говорит Лористон.

«Эге, — думает про себя Кутузов, — молодцы мужички. Видать, хорошо насолили французам». А вслух:

— Ваша правда, генерал, — и вздыхает. — Да, распустились совсем крестьяне. Эка беда... Только ведь я крестьянами не командую.

— Зато казаки — люди военные, — продолжает Лористон. — Но и они правил признавать не хотят.

«Молодцы казаки, — думает про себя Кутузов. — Сбивайте с француза спесь. Шкуру с него сдирайте». А вслух:

— Ох уж эти мне казаки, казаки... Я и сам не рад, что они при армии. В степях родились, деликатности не обучены.

Начинает Лористон бранить ополченцев. Мол, больно лютуют.

— Так это не войско, — отвечает Кутузов. — Сегодня они в строю, завтра опять разошлись по сёлам. Какой с ополченцев спрос!..

А сам про себя: «Молодцы ополченцы».

Ясна Лористону бесплодность его речей, стал говорить о мире.

Посмотрел Кутузов на Лористона:

— Я хоть сию секунду.

Обрадовался Наполеонов посыльный:

— Вот и наш император желает.

Развёл Кутузов руками:

— Только я ведь всего солдат. Хожу под царём и богом.

— Но ваше слово... Ваш сан главнокомандующего...

— Я хоть сегодня, — опять повторил Кутузов. (А сам состроил в кармане фигу.)

Уехал ни с чем посыльный. Провожает его Орлов, опять говорит о погоде.

Трясётся Лористон в седле. Вид унылый, насупился. Рассмеялся Орлов:

— Ба, да оно ведь и вправду, видать, погода сегодня для нас хорошая.

ТАРУТИНО

Понял Кутузов после посещения Лористона, что дела у французов плохи. Дал под Тарутином бой.

Опять загремели пушки. Скостились штыки и сабли. Сила на силу опять пошла.

Проиграли французы бой. 36 пушек досталось русским.

Дня четыре спустя после битвы прaporщик Языков с казачьим отрядом находился в разведке. Обнаглели совсем казаки, к самой Москве подъехали.

Стоят, смотрят на спалённый город:

— Вот она, наша страдалица...

Дождик капает осенний. Хотя и тепло и безветренно. Где-то раздался собачий лай.

— Ты смотри, а говорят — французы псов всех поели!

— Этот хитрый, видать, убежал.

— Да-а, пропала Москва-красавица...

— Дура, о мёртвых плачь! Не смертник Москва — отстроится.

Перешёптываются казаки. Вдруг слышат — страшный грохот и взрыв долетает из города. Переглянулись донцы, покосились на командира. Любопытство в душе казацкой. Переглянулись, помчались к Москве.

— Эх, была не была! Бог не выдаст — свинья не съест. На то и разведка.

Влетели они в пустынные улицы города. Ни французов, ни жителей. В молчанье лежат развалины. Лишь цокот от конских ног в тишине, как в гробу, отдаётся. Понеслись всадники к центру. Доскакали до самой Ордынки, почти к Кремлю. Нигде не видать французов.

Попался какой-то стариk.

— Эй, борода, где басурманы?

— Ушли, ушли из Москвы французы. Ушли поутру, родимые.

Больше месяца пробыл Наполеон в Москве. Ждал император от русских посыльных с миром. Не явились к нему посыльные. Сам послал Лористона. Не привёз согласия на мир Лористон. А тут ещё бой под Тарутином. Да скоро зима. Да голод идёт по армии. Что же, как в мышеловке, сидеть в Москве. Нет, пока есть силы, пока не поздно — скорее домой. Ушли французы бесславно, как тень, из Москвы.

Узнали казаки небывалую новость, забыли про грохот и взрыв, завернули коней, стрелой понесли долгожданную весть Кутузову.

Потом и про взрыв, конечно, узнали. Злопамятен Наполеон. Мстит за свои неудачи. Приказал, уходя, взорвать, не жалея, Московский Кремль. К счастью, погибло немногое. Пошедший дождь загасил фитили.

Выслушал Кутузов доклад Языкова, перекрестился:

— Свершилось. Вот оно, неизбежное... Спасена отныне Россия.

Потом повернулся к селу Тарутину:

— Спасибо тебе, Тарутино!

[высший почёт](#)

Весть о том, что Наполеон ушёл из Москвы, как мяч о стенку, ударяла и отлетала. Верят — не верят в неё солдаты. Нужно верить — не верится.

— Ушёл?!

— По собственной воле!

— Не может быть!

— Побожись!

Однако что же тут с правдой спорить. Всё тут яснее ясного. Всё тут белее белого. Ступай, посмотри Москву.

Собрались солдаты в круг, стали хвалить Кутузова:

— Ай да стариk Кутузов!

— Кутузов — тёртый калач!

— Кутузов — стреляный воробей!

— Провёл, обхитрил... Как сурка, Бонапарта из первопрестольной выжил!

Слушает унтер-офицер солдатские разговоры.

— Эй, вы, какой же фельдмаршал вам воробей?

Смутились солдаты:

— Да это же к слову. Орёл наш Кутузов!

Вспоминают солдаты, как уходили тогда из Москвы по Яузскому мосту и не кричали «ура» Кутузову, — совестно.

Ещё роднее, ближе стал им теперь Кутузов. Все норовят увидеть фельдмаршала, исправить свою ошибку.

Куда ни покажется главнокомандующий — всюду «ура» и «ура». Ну, право, хоть сиди под замком в избе, не высовывай нос из штаба.

Но и этого мало солдатам. Собрались, явились к Кутузову:

— Михaila Илларионович, ваша светлость, не гневись на нас, батюшка...
Тогда у Москвы-реки...

Прослезился Кутузов:

— Ступайте. Нет на душе обиды. Я и сам бы тогда молчал.

Но опять неспокойны солдаты. Узнали они, что любит фельдмаршал уху с наваром. Куда-то ходили, где-то искали, наловили ему стерлядей. Пусть рыбкой себя побалует.

— Ух ты, ушица!.. Откуда такая?! — поразился Кутузов.

Не спрашивай. Ешь, поправляйся, фельдмаршал Кутузов! Что ордена, что там награды... Высший выпал тебе почёт.

ТИШКА И МИНЬКА

Оставив Москву, Наполеон пошёл на Калугу. В Калуге — городе, войной не разорённом, французы надеялись пополнить свои припасы. А затем уже свернуть на Смоленск, на Вильну и вон из России.

Кутузов понял расчёт противника и со своей армией стал у него на пути. У города Малого Ярославца разгорелась новая битва. И снова, как при

Бородине, сражение длилось с утра до вечера. Упорство и французов и русских было отчаянным.

Выбили французы русских из Малого Ярославца. Начинают атаку русские.

Выбили русские французов из Малого Ярославца. Начинают атаку французы.

И так восемь раз. Город то и дело из рук переходит в руки.

Малоярославские мальчишки братья-двойняшки Тишк и Минька при первом же штурме французов забились в подвал. Маленько оконце торчит наружу. Прилипли мальчишки к окну. Хоть и боязно, но интересно.

При подходе французов почти все жители оставили город. Ушли и родители Тишк и Миньки. Они и ребят с собой увели. Только братья от них сбежали. Затерялись в общей толпе и немедленно снова в город. Интересно им посмотреть на взаимоударный бой.

И вот ребята стоят у оконца. Ребятам впервые — им всё интересно. И как солдаты идут в атаку, и как командиры в бою кричат, и как дым от ружей по улице стелется.

Вначале, когда атаковали французы, бой шёл где-то в отдалении. До ребят доносились лишь страшные крики. Потом, когда в город ворвались русские, одна из схваток завязалась на той улице, где стоял дом Тишк и Миньки. Отряд русских возглавлял молодой офицер. Нарядный, красивый. Брови чёрные, чуть с изгибом, словно не брови, а ворон раскинул крылья.

Следят ребята за офицером.

— Генерал, — шепчет Минька.

— Молод для генерала, небось поручик, — поправляет братишку Тишк.

Рядом с оконцем произошла жаркая схватка. Солдаты сошлись в штыки.

— Дети! — кричит офицер. — Штык ржавеет без дела. Солдат не солдат без победы. Вперёд! — и первым идёт в атаку.

Минута — и штыки обагрились кровью. Заалели от ран мундиры. Кровавая лужа натекает на месте боя. Смешалась воедино французская, русская кровь.

Отпрянули от оконца ребята.

— Страшно? — спрашивает Тишка у брата.

— Нет, — отвечает Минька.

Говорит «нет», а руки дрожат. И у Тишки дрожат. Ходуном, непослушные, ходят.

Когда они вновь подошли к окну, то бой в этом месте уже окончился. Всё стихло. Валялись убитые. А ближе всех лежал молодой офицер. Видят ребята, что офицер штыком при атаке ранен. Лежит и тихо, протяжно стонет.

Переглянулись мальчишки,

— Его бы в подвал, — произнёс осторожно Тишка.

— Эге, — согласился Минька.

Однако выйти наружу они боятся. Постояли ребята и всё же набрались храбрости. Крадучись вышли на улицу. Подхватили офицера под руки, поволокли.

— Тяжёлый, — шепчет тихонько Минька.

— Так ведь харч офицерский, — соглашается Тишка.

Втащили они офицера в подвал. И вовремя. На улице снова начался бой. Однако ребята к оконцу уже не ходили. Крутились всё время около офицера. Воду ему на голову лили. Тишка от исподней рубашки оторвал, где почище, клок и приложил к тому месту, где на офицерском боку виднелась рваная рана.

Офицер метался в жару. Что-то кричал. Утихал, потом принимался снова.

Так было до самого вечера. Так было и ночью. Намучились с ним мальчишки. То по соседству загорелись дома. И страшный дым повалил в подвал. Хорошо, что дом, в котором сидели Тишка и Минька, был каменным. Уберёгся он от пожарища.

Потом началось самое страшное. Малый Ярославец остался в руках французов. Какие-то солдаты заняли дом. И ребята боялись, что вот-вот доберутся они до подвала.

— Тише, ваше благородие, тише... — уговаривают они офицера.

Офицер словно понимал их, умолкал, а потом снова метался в жару и крике.

К счастью, всё обошлось.

Среди ночи ребят свалил беспробудный сон. Очнулись они — солнце уже высоко. Кругом тихо. Подбежали к окошку — кругом безлюдье. Нет, нигде не видать французов.

А произошло вот что. Хоть и остался Малый Ярославец в руках у французов, да понял Наполеон, что на Калугу ему не прорваться. Впервые в своей жизни император не решился на новый бой. Отдал приказ отступить войскам.

Вылезли ребята из подвала, вышли наружу. Смотрят — в город вступают русские. А вместе с солдатами валят и жители. Вот и Тишкун и Минькин отец идёт.

Увидел он сыновей:

— Ах вы разбойники! Ах шелудивые!

Застыли Тишка и Минька. А отец недолго думая снял поясной ремень и тут же, прямо на улице, начал ребят стегать.

Терпят братья-двойняшки. Отец у них строгий. Другого и нечего ждать.

Наконец родитель устал, остановился, переводит дух.

— Тять, — полез Тишка, — а там раненый, — указал он рукой на торчащее из-под земли оконце.

— Офицер, — прогнусавил Минька.

Спустился отец в подвал. Верно, не врут ребята. Присмотрелся — лежит молодой полковник.

— Ого!

Побежал отец, доложил кому следует. Пришли санитары, забрали полковника.

А отец снова свернул ремень и продолжил свою расправу. Правда, теперь бил уже не так больно и не столько ругался, сколько ворчал:

— Мать бы хотя пожалели... Ироды вы окаянные!..

Прошло несколько дней. И вдруг отец был вызван в городскую управу, и там ему вручили медаль. К медали был приложен приказ, в котором

значилось, что житель города Малого Ярославца Кудинов Иван Михайлович, то есть отец Тишки и Миньки, награждается медалью за спасение жизни русского офицера.

Опешил отец. Стал было объяснять, что тут-то он и ни при чём, что спас офицера не он, а Тишка и Минька. Однако в управе слушать не стали.

— Кто там спас, разбирайтесь сами. Получил медаль и ступай, не задерживай.

Вернулся отец домой. Не знает, что с медалью ему и делать. На две доли, что ли, её рубить?

— Тут вам медаль. Одна на двоих, — заявил он ребятам.

Смотрят Тишка и Минька на медаль. Глазёнки горят. Руки к ней сами собой тянутся. Вот бы такую на грудь надеть!

Однако отец у них строгий. Взял и спрятал медаль в ларец.

— Не для баловства подобные штуки, — заявил он сурово.

В ларце медаль и лежала.

Однако дважды в году, в рождество и на пасху, когда всей семьёй Кудиновы отправлялись в церковь, отец доставал медаль.

В церковь шёл при медали Тишка. Возвращался домой при медали Минька.

СЛУЧАЙ, КОГДА НЕ НАДО БЫЛО КРИЧАТЬ «УРА»

— И зачем кричали «ура»? И как оно вырвалось? — сокрушались донские казаки.

— Это Ничипор, Ничипор... Он за это в ответе.

Молодой казак Ничипор Худояк и вправду первым победное крикнул.

На следующий день после битвы у Малого Ярославца Наполеон с небольшой группой офицеров и генералов ехал из штаба к своим войскам.

Едет Наполеон, не торопится. Думы разные в голове. В это время на соседнем холме появился разъезд казацкий. Увидели офицеры и генералы конных, решили, что свой отряд.

А казаки сразу узнали французов. Вскинули пики, галопом летят к генералам.

— Ура! — кричит Худояк.

— Ура-а! — голосят другие.

Наполеон вздрогнул. Свита пришла в замешательство. Кто-то открыл стрельбу.

Всё ближе и ближе лихие донцы. Кони, почувяв удачу, словно не мчат, а летят над полем. Режет утренний воздух тяжёлый храп.

У Наполеона мурашки прошли по телу.

— Вот он, конец бесславный...

Сгрудилась, окружила императора свита. Каждый последний момент считает.

Худо пришлось бы французам, да только тут, заслышив пальбу и крики, вдруг на помощь своим явились кирасирские эскадроны. Отогнали они казаков.

Долго не мог Наполеон позабыть об опасной встрече. Белость долго держалась в лице. Наконец успокоился, вызвал походного лекаря. Приказал он военному эскулапу немедля же изготовить смертельный яд. Не хотел император живым попадаться в плен. Стал носить в пузырьке отправу.

Стали теперь более осторожными офицеры и генералы.

Но больше всех неудачу этого дня переживали русские казаки.

— Упустили... Эхма, упустили!.. И чего кричали «ура»!.. И как оно только вырвалось!

[ЗЛАЯ ВОДИЧКА](#)

Как-то ещё во время Бородинской битвы какой-то полковник, бывший в кутузовской свите, потянулся к фляге и выпил глоток, второй. Заметил Кутузов, и ему захотелось.

— Э-эй, голубчик, подай-ка сюда водицу.

Растерялся полковник. Во фляге была не водица, а чистый спирт.

Не нашёлся полковник, как же ему ответить, отдал покорно флягу.

Поднёс Кутузов флягу к губам, сделал глоток и чуть-чуть не задохнулся.

— Ух ты! — с трудом переводит дух. — Водичка какая злая.

— Так точно! — гаркнул полковник. — Пьём и терпим, ваша светлость.

Хотел фельдмаршал разгневаться на офицера. Однако полковник так ловко ответил, что вдруг остыл, рассмеялся Кутузов. Вернулся он владельцу фляги и только пальцем ему погрозил.

Узнали другие офицеры, что Кутузов простили полковника. А у многих во флягах вместо воды было вино или спирт. Осмелели.

Заметил это Кутузов.

И вот снова такой же случай. Теперь уже у Малого Ярославца. Смотрит Кутузов на поле боя. Рядом крутится свита. И снова полковник, не тот, а другой, потянулся к армейской фляге. И снова Кутузов:

— Э-эй, голубчик, подай-ка сюда водицу.

Подбежал полковник, смело тянет Михаилу Илларионовичу Кутузову флягу. Знает, что нужно ему ответить.

Поднес фельдмаршал флягу, однако не к губам на сей раз, а к носу. Понюхал:

— Спирт?

— Так точно! — гаркнул полковник. — Пьём и терпим, ваша светлость.

Отбросил Кутузов флягу. Подошёл, взял офицера за ухо.

— Э, чужим умишком живёшь! Слова повторяешь. Кто разрешил? — Пальцем сунул на флягу: — Что тут, питейный дом?!

Строг оказался Кутузов. Для острастки другим тут же приказал уволить полковника в тыл, в отставку. К тому же без пенсии.

Струсили офицеры. Ты смотри, она и вправду водичка злая.

ДЕЛИКАТЕСНОЕ БЛЮДО

Отступает французская армия. Полк за полком, полк за полком. Бесславно идут к Смоленску. Самым последним отходит Миорат.

Миорат не только маршал французский, но и король. Было в Италии королевство — Неаполитанское. Захватили его французы. Отдал Наполеон королевство своему любимцу — Миорату. Стал Миорат королём.

Ночевал Мюрат со своими полками у Можайска, в городе Верее. Подошли сюда русские. Решительным штурмом ворвались в город. Две тысячи французов было убито. Полторы тысячи сдалось в плен.

Вошли солдаты в тот дом, где ставка была Мюрата. Осмотрелись — нет, не видать Мюрата. Маршал сбежал. Бежала и свита.

Покрутились солдаты, наиболее шустрые — шмыг на кухню. Интересно, чем короли питаются. Яства, считай, заморские. Блюда невиданные, деликатесные...

На кухне плита распалена. Ножи, сковородки, кастрюли. Дозревает обед королевский. То-то попали солдаты вовремя.

Сгрудились они у плиты, крышку сняли с большой кастрюли. Наваром дыхнул пар. Ударили в нос непривычные запахи.

— Ну, что там, что там в сием сосуде?

— Уха из диковинных рыб?

— Из горных козлов солянка?

— Суп из нутра лебедей?

Запустили солдаты половник в кастрюлю, притихли — тащат здоровую кость, мясо при ней болтается.

— Оленины кус?

— Говядины кус?

— А может, что-то досель не виданное!

Вдруг видят солдаты — под лавкой лежит копыто. С подковой.

— Ба, да это же конь!

Потянули снова солдаты кастрюльный запах — конячий, смердячий дух.

Обалдели солдаты:

— Такое-то королю!

Бросились к печке. Тащат шипящий противень. Чудо какое-то жарится.

Смотрят солдаты:

— Братцы, так это же кот! Морда, гляди, кошачья!

Рассмотрели солдаты. И правда. Вот и хвост в стороне валяется.

Рассмеялись солдаты:

— Тощий кот и копыто! Ну, братцы, худо пришлось французам, раз такое к столу короля деликатесным выходит блюдом.

Отступает французская армия. Как зверь, огрызается. Сил у французов ещё немало. Еды у французов мало.

Свечи едят вместо сала. Порох заместо соли. За конский навар дерутся.

Погнал их Кутузов по той же дороге, по которой наступали они к Москве. Места же здесь разорённые. Сами французы тому виной. Вот и прибыли дни расплаты.

Однако это только начало. Расплата ещё впереди.

Глава пятая

НЕБО. ПОЛЕ. ПОЛОЗЬЕВ СКРИП

БОЛЬШИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Ещё до того как разгорелась Бородинская битва, в дни, когда русская армия отступала, к князю Петру Багратиону неожиданно явился подполковник Ахтырского гусарского полка Денис Давыдов.

Багратион Давыдова знал давно — когда-то Давыдов служил у него адъютантом, — принял сразу и очень приветливо.

— Ну рассказывай, ну выкладывай. Начальство обидело?

— Нет, — отвечает Давыдов.

— Наградой обойдён? В отпуск, наверное, просишься?

— Нет, — отвечает Давыдов.

Поразился Багратион. Ждёт, что же скажет ему подполковник.

— Вот какую имею мысль, — произнёс Давыдов.

И стал говорить о французской армии. Мол, растянулась армия на сотни и сотни вёрст. От самого Немана через всю Россию ташатся к ней обозы, идут подкрепления, порох, ядра везут.

— Верно, — бросает князь Пётр.

— Всё время туда и сюда мчатся курьеры с бумагами. Длинный французам путь.

— Так, так... — слушает Багратион. — Нового не открываешь.

— А новое в том, — вдруг заявил Давыдов, — что надо, ваше сиятельство, оставить у Бонапарта в тылу конные наши отряды. Пусть они обозы и мелкие части щупают. Будет немалый урон врагу. Прошу казаков и гусар — докажу, как возможное.

Пока Давыдов всё это говорил, лицо Багратиона светлело, светлело и даже вовсе расплылось в улыбке.

— Молодец! Дай поцелую. — Поцеловал. — Жди.

Багратион тут же пошёл к Кутузову. Начал с того, с чего и Давыдов. Мол, французская армия растянулась на сотни и сотни вёрст... И передал всё слово в слово о просьбе Дениса Давыдова.

Выслушал Кутузов Багратиона:

— Фантазии разные...

Кутузов только что принял армию, готовился к бою и берёг каждый отряд солдат.

— Ваша светлость, — обиделся Багратион, а был он на редкость вспыльчивым, — фантазии в том, что часто мы собственной выгоды не разумеем! — И потом ужетише: — В этом деле есть полный резон. Тут выйдут большие последствия.

— Ну ладно, голубчик, ладно. Я же ведь так. Человек-то надёжный твой подполковник? Говоришь, из гусар? Им бы пыль по глазам начальству.

— Надёжный, ваша светлость. Пять лет у меня в адъютантах был.

Подумал Кутузов:

«Ладно, может, и вправду дело будет сие значительным».

Распорядился Кутузов выделить Давыдову 50 гусар и 80 казаков.

Так возник первый партизанский отряд. Русская армия отошла дальше, а Денис Давыдов ушёл в леса.

Немало причинили партизаны вреда французам. Фельдмаршал вскоре оценил мудрое предложение Давыдова и теперь уже сам стал отправлять отряды солдат в тыл к неприятелю.

К солдатам всё чаще и чаще присоединялись крестьяне. Они и сами создавали свои отряды. Сотни и тысячи крестьянских отрядов разили теперь врага.

Как в половодье река сокрушает округу, так и тут — на войне народной — прорвался крестьянский гнев. Спустя два месяца, когда русская армия уже перешла в наступление, Кутузов распорядился вызвать в ставку к себе Давыдова.

Он долго смотрел на гусара. Наконец произнёс:

— Тут я как-то при жизни князя Петра назвал твой манёвр фантазией. Прости старика. Только не думай, что я от слов своих отрекаюсь. То, что свершилось, доподлинно есть фантазия.

И так же, как тогда князь Багратион, подошёл и крепко расцеловал Дениса Давыдова.

ТУДА И ОБРАТНО

Слухи о доблестных делах партизана Дениса Давыдова катили в русскую армию валом. Один за одним. То обозы с порохом перехватили, то разогнали идущую артиллерийскую часть. То схвачен курьер с бумагами очень ценными, то сам Давыдов в бою отличился — зарубил четырёх французов.

Стал молодой корнет Васильчиков мечтать о том, чтобы и ему попасть к партизанам. Эскадронного командира просил:

— Отпустите к Давыдову!

К полковому начальнику бегал:

— Отпустите к Давыдову!

Однако начальники не отпускают. Подумал корнет, подумал, взял и ушёл без разрешения. Правда, оставил записку. Мол, не считайте, что я дезертир. Не могу я — ушёл к партизанам.

Стал пробираться он в Гжатский уезд, туда, где были отряды Давыдова.

Едет, думает о Давыдове. Представляется ему партизанский начальник заправским гусаром, в гусарской куртке, в шнурках гусарских, в гусарской шапке с лихим султаном.

Добрался корнет до Гжатска удачно. Разыскал партизанский отряд. Вернее, партизаны у Гжатска его схватили и привели к Давыдову в лагерь.

Глянул корнет на Дениса Давыдова. А где же гусарская куртка, где султан и галун гусарский?!

Стоит перед ним настоящий мужик. Борода крестьянская, каftан крестьянский, даже кушак крестьянский.

Растерялся Васильчиков. Забыл и представиться. Смеётся Давыдов:

- Честь имею, подполковник Давыдов. Слушаю вас, корнет.
- Васильчиков, — пискнул Васильчиков.

Устал он с дороги, отправился спать.

Уложили его под сосной на шинели, укрыли каким-то рядном.

В общем, началась жизнь партизанская.

Утром стал Давыдов его поучать:

- Что важнейшее для партизана?

Разводит корнет руками.

— Внезапность, — отвечает Давыдов. — Какая позиция самая лучшая? — И опять отвечает: — Непрерывность в движении. В чём партизана главная сила? Бить не числом, а умением.

И вот — походы, походы, переходы, ночёвки в лесах.

То мокнешь под ливнем, то зябнешь от стужи, то спишь на сырой земле.

Бои без плана, без всяких правил: то утром рано какое дело, то поздно вечером негаданный бой, то ночью — уснул — тревога.

Непривычен к такому корнет. Стал он жалеть, что ушёл из части. Покрутился ещё с неделю, взял и покинул партизанский отряд. Даже записки теперь и той не оставил.

Вернулся Васильчиков в армию.

Ещё в те дни, когда он исчез, в армии было целое дело.

Самовольство для офицера — серьёзная вещь. Доложили тогда Кутузову об уходе корнета.

Доложили теперь о его прибытии.

Выслушал Кутузов, распорядился:

— Наказать за самовольный отъезд. — Потом подумал и строго добавил: А за то, что вернулся, за это — вдвое.

[НАГРАДА](#)

Много прославленных имён среди командиров партизанских отрядов: офицер Сеславин, простой крестьянин Герасим Курин, рядовой гусар Фёдор Потапов, по кличке Самусь, сельский староста Стулов, солдат Ерёменко, отставной майор Емельянов — в прошлом крепостной крестьянин, ветеран суворовских войн, произведённый за геройство Суворовым в офицеры.

Как-то в какую-то итальянскую часть приехал из штаба Наполеона посыльный. Тут-то зашёл разговор и ещё об одном русском герое, о молодом штабс-капитане артиллерии Александре Самойловиче Фигнере.

Лихость в Фигнере потрясающая. Он и в бою всегда впереди, и в походах не знает устали, и на расправу с врагом жестокий, он и в разведку без страха ходит.

Фигнер даже в Москву к французам ходил, переодевшись, правда, крестьянином.

Много зла причинил Фигнер со своим партизанским отрядом французам. Слух об отважном штабс-капитане даже дошёл до Наполеона. За поимку Фигнера император назначил большую сумму.

Приехавший к итальянцам из наполеоновского штаба офицер привёз особую весть — где-то здесь, в местных лесах, скрывается Фигнер.

Заволновались итальянцы. И страшно, и вот бы прославиться — взять и поймать злодея. Вот бы сюрприз императору. К тому же... награда.

— Поймаем его! — кричат итальянцы. — В наших же жилах римская кровь!

Собрались одни офицеры. Рядовых с собой не брали. Не хотели делить богатства.

Подумал посыльный и тоже решил поехать. Интересно, что из того получится. А вдруг...

Тронулись итальянцы. Рыщут они по соседнему лесу. Нет, не видно партизанских примет. Направляются в лес, что подальше. И там всё спокойно и тихо. Едут вёрст за десять в крутые балки. И там неудача.

Не хочется им возвращаться с пустыми руками домой. Да день на исходе. К тому же устали. И есть хочется. И дорога домой неблизкая.

«Да, пора бы домой», — понимает и Наполеонов посыльный. Да только в эту минуту что-то, как назло, за язык его дёрнуло.

— А не там ли они, вон за полем, в дубовой роще?

И офицеры о том подумали. Решили:

— Ну ладно, последний заход.

Дотащились они до дубовой рощи. И правда — вот он, свежий след от лошадиных копыт.

Поднялся дух в итальянцах.

— В наших жилах римская кровь! Вперёд!

Втянулись они своей офицерской колонной в лес.

И вдруг слева и справа налетели на них партизаны. Крики, свисты, стрельба...

Туда итальянцы, сюда, да где там — они в окружении.

Согнали партизаны пленённых в кучу. Стоят они, по-итальянски носы повесив. А где же тот, Наполеонов посыльный?

Смотрят — стоит он в первом ряду партизан, ручкой им нежненько машет:

— Приветствую вас, господа офицеры! Будем знакомы — штабс-капитан Александр Самойлович Фигнер.

[СОЛДАТСКОЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО](#)

В бою под солдатом драгунского полка Ермолаем Четвертаковым была ранена лошадь. Четвертаков попал в плен. Привезли его в Гжатск. Из Гжатска солдат бежал.

Оказался он в тех местах, которые были заняты неприятелем.

Пришёл драгун в деревню Басманы. Видит — крестьяне воинственны, французов чумой ругают. Злобой мужик кипит.

Тут-то и пришла Четвертакову мысль поднять крестьян на борьбу с французами, создать партизанский отряд. Заговорил.

И вдруг крестьяне замялись. Мол, неизвестно, откуда прибыл солдат. Как знать, что из того получится.

Лишь один молодой рябоватый парень пошёл за драгуном.

Поехали они вместе в деревню Задково — там поднимать крестьян. По дороге встретили двух французов. Убили. Потом ещё двоих встретили. И этих прикончили.

— Ух ты! Двое — и вдруг четверых! — подивились крестьяне в Басманах.

— А если четверо — то получится восемь!

— А если восемь — то будет шестнадцать!

Заволновались в Басманах: а вдруг как мужики из Задкова прежде их создадут отряд?

— Давай возвращай драгуна!

— Сами желаем иметь отряд!

Вернулся в Басманы драгун. Извинились сельские жители.

— Не обижайся, любезный. Хотели тебя проверить, — схитрили крестьяне.

— Стоящий ли ты солдат.

Сразу же более двухсот мужиков дали своё согласие быть у него в отряде. Это стало началом. Вскоре из всей округи свыше четырёх тысяч крестьян собралось под командованием Четвертакова.

Стал Четвертаков признанным командиром. Порядки в войске завёл военные: караулы, дежурства и даже учения. Следил строго, чтобы головы крестьяне держали высоко, животы не распускали.

— Да ты — что полковник, — смеются крестьяне. А сами довольны, что крепкой руки начальник.

— Что там полковник — сам генерал! Ваше превосходительство!

Жили крестьяне по-прежнему в деревнях и сёлах. Поднимались они по тревоге, когда возникала нужда...

Едет французский отряд по русской дороге. Обоз, но с большой охраной. Порох доставляют для армии. Кони пушку везут впереди. Это чтобы пугать крестьян, ну и себя, французов, конечно, подбадривать.

Звенят, гудят, переливаются на церковных звонницах колокола. То медью ударят, словно в набат, то трепетно, тонко зальются.

Приятно французам слушать.

Вот здесь отгремели. Ушли за бугор — там тоже деревня и церковь. Подхватились и слева и справа.

Идёт от села к селу перезвон. Эка приятные звуки...

Продолжают французы свой путь. Слушают звонную прелесть.

Идут и не знают того, что это не просто звон — это голос для них прощальный, погребальный, выходит, звон.

Четвертаков использовал церковные перезвоны, как сигналы для своих отрядов. Это не только сигналы тревоги. В каждом переливе свои команды. Слушай внимательно — будешь знать, куда идти и где собираться.

Продолжают французы свой путь. А в это время из разных окрестных сёл выходят уже отряды. Приказ — собраться сегодня им у ручья, у Егорьевской балки.

Подошли французы к ручью — крестьяне со всех сторон. Несметно. Черно от каftанов. Конный виден в крестьянских рядах — наверно, начальник.

Скомандовал конный. Бросилось воинство на французский обоз. Растерялись солдаты, что были с пушкой, — куда же палить, в какую же сторону! Всюду крестьяне. Стрельнули в конного, в старшего. Да, к счастью, того, перелёт.

Выстрел был первый, он же последний. Не успели французы сунуть новый заряд. Ноги крестьянские быстры, руки проворны и очень цепки. Пушка, обоз и солдаты — всё через минуту в крестьянских руках.

Возвращаются партизаны с отважного дела домой. Едет на коне верхом солдат Четвертаков, Ермолай... как там тебя по батюшке? Эх, можно,

пожалуй, без батюшки... Ермолай Четвертаков — генерал крестьянский. Ваше солдатское превосходительство!

ВАСИЛИСА КОЖИНА

Баба есть баба. Впрочем, не всякая.

Василиса Кожина была женой деревенского старосты. По-бабы она проворная. В избе чисто, дети накормлены, скотина в хлеву в довольствии.

Да не только этим Кожина славилась. Муж у неё хоть и староста, да то ли с ленцой, то ли просто не очень проворный мужик. Вот и сложилось так, что по всяким делам крестьяне ходили не к старосте, а к жёнке ленивого Кожина.

Оказалась старостиха первой в селе фигурой.

Баба она дородная, баба она степенная. И посмотреть на такую приятно, и услышать умный совет.

В общем, довольны крестьяне. Жаль, что женщин в старосты не избирают.

И вот накатилась война с французами.

Бегут к Василисе крестьяне:

— Как же нам быть?

— Бить нежданных, непрошеных, — отвечает им Кожина.

Смотрят мужики на неё недоверчиво. Не шутит ли баба?

— Что же мы — войско?

— А где ружья?

— Где сабли?

Короче, впервые совет Василисы был для крестьян ничто. Посмеялись, и только.

Тогда собрала Василиса баб поможе. Создался женский отряд. Без ружей, без сабель. Вилы, простые рогатины — вот всё, чем богаты бабы.

Уходят крестьянки в соседний лес. Смеются крестьяне:

— Аники-воины!

— Бонапарту схватите в плен!

Впustую, конечно, ходили вначале по лесу бабы. Но вот наступил день, когда поймали они француза. Тянут трофеи в село.

Глянули мужики, так и ахнули. Ходят вокруг француза, смотрят, не верят своим глазам:

— Гляди, настоящий!

— С усами!

— И сабля, смотри, была. И ружьё!

Висит оно теперь на плече у Кожиной. Сабля у рыжей молодки в руках.

Торжествуют сельские женщины:

— Ага!

— Не верили!

— Вот вам мужская работа!

— Ну, посмотрели? — спросила Кожина. — Теперь собирайтесь, очередь, значит, ваша.

— Подумаешь — раз повезло!

— Скопом штуку одну споймали.

— Ну меньше, ну больше одним — французская армия от этого, что ли, убавится?!

— Дурни! — ругнулась Кожина.

После первой удачи дело у женщин пошло успешнее. Второй, третий, четвёртый француз попался.

Ружьишками женщины обзавелись. Василиса Кожина ходит теперь в шинели. Сабля гусарская сбоку висит.

Отводят женщины пленных в уездный город Сычёвку. Слава о них гремит.

Задумались теперь мужики. Завидно им, глядя на женщин.

— Эх, зря мы тогда не поверили!

— И нам бы теперь почёт.

Пересилили они мужское своё упрямство. Стали являться к Кожиной, проситься в отряд.

— Ну что же, надо подумать, — отвечает с улыбкой им Кожина. — Тут как присудит наш бабий сход.

Конечно, сход порешил мужиков принять. Давно ведь женщины этого ждали. Не бабье дело вести войну.

Хоть и не бабье, да всё же мало кто из женщин оставил ружья. Огромный теперь отряд. Старшим по-прежнему Кожина. Мужики послушны во всём.

— Приказывай, матушка, слушаем.

— Бей до конца француза! Ныне это единый приказ.

Вот какая она, Василиса Кожина, русская женщина, храбрая женщина. Её не то что на место старосты, Кожину хоть в губернаторы назначай, хоть в военный совет сажай.

ОПАСНОЕ МЕСТО

В белорусских непроходимых лесах под Оршой расположился партизанский отряд — крестьяне из ближних сёл. Тут под Оршой они воевали, тут же в лесах и жили.

В отряде среди других мужичонка, по имени Петрусь, по фамилии Глебка. Он и выбрал-то это место.

— Хорошее место для вас я выбрал, — любит похвастать Глебка. — Можно по французам отсюда ударить, можно и снова сюда утечь!

Так крестьяне и поступали. Ударят по обозу, небольшому отряду французских солдат или по фуражирам — и снова к себе в леса.

— Нет, всё же хорошее место я выбрал, — не унимается Глебка.

А место-то, по правде говоря, было не очень хорошее. Болота кругом да топи. Мошка безжалостно ест. Нет бы выбрать где выше, где суще.

— Зато неприятель сюда не сунется, — рассуждает всё тот же Глебка. Сиди тут, как лыцарь в каменном замке.

— Твой замок одни болота.

— Болота для нас тут потвёрже камня, — отбивается Глебка. — А главное, можно всегда утечь. Любому из любого места можно всегда утечь, философствует Глебка.

И вот однажды крестьяне было напали на какой-то обоз. Да тут подоспела французская полурота, и партизанам пришлось бежать. Добежали они до леса — думали, дальше француз не тронется.

Однако полурота попалась отважная. Гнала она мужиков и дальше, шла по пятам и загнала в такие топи, что стой! Дальше вперёд ни шагу. Тут, к счастью, спустился вечер. Французы тронуть крестьян не успели. Зато обложили со всех сторон — конечно, кроме той, где болото. Расположились солдаты на ночь. Противник надёжно схвачен. Завтра ему конец.

— Ну вот тебе и твой замок! — кричат крестьяне на Глебку. — Лыцарь ты этакий... Вот тебе и утечь!..

— Да кто же думал! Француз какой-то чудной попался, — разводит руками Глебка. Он и сам понимает, что делу, поди, конец. Однако для храбости и себе и другим: — Оно же, болото, не очень топкое.

Попробовали крестьяне — сплошная трясина. Шаг — и сразу по шею, два шага — катись с головой. Хотят они снова ополчиться на Глебку. Нет, не видно, пропал куда-то проклятый Глебка.

— Может, утоп?

А Глебка в это время пробирался всё-таки по болоту. Сук у него длиннющий в руках. Щупает им трясину. С кочки на кочку, где бухнет по пояс, где еле удержится, и всё же пролез.

С той стороны болота была деревня. Поднял Глебка на ноги мужиков, объяснил поспешно, в чём дело. Набрали крестьяне сена, кладок и досок, пришли к опасному месту, соорудили шаткий настил. По настилу весь партизанский отряд и убрался из-под самого носа французов.

— Ну, говорил я, что можно любому всегда утечь! — опять торжествует Глебка.

Вырвались мужики из окружения. Осмелели. Думают, а что, если им самим теперь захватить французов. Мысль озорная, всем нравится.

Обошли крестьяне болото сухими местами, взяли с собой мужиков из местной деревни, послали в другие, чтобы и из тех приходили на помощь. В общем, к рассвету все были на нужном месте.

Проснулись утром французы. Где же крестьяне?! А те у них за спиной. Вот уже и крики слышны, и самодельные пики пущены в ход, рогатины, косы, вилы. Правда, и ружей у мужиков с десяток, и две настоящие сабли.

Заметались французы. Одни к трясине — тут их голубит верная смерть. Другие к крестьянам — навстречу им тянутся косы и вилы. Погибли французы.

Довольны крестьяне.

— Ну как?! — смеясь, обращаются к Глебке. — А говорил, что любому можно утечь!

МОТЯ

Отступают французы. Есть хочется. Нечего есть. Бродят французы по русским сёлам. Рыщут, где бы и чем поживиться.

Не забыта и деревня Ивановка. Недавно побывало здесь двадцать французских солдат. Сегодня явилось семеро.

Ходят французы по избам. Пусты закрома крестьянские. Скотина куда-то припрятана.

Явились они к деревенскому старосте, вцепились в белёсую бороду:

— Отвечай, где зерно укрыто.

Разводит стариk руками:

— Третье лето у нас недород.

— Недород?

— Недород.

Обозлились французы, хлесть старика нагайкой:

— Недород?!

— Недород!

— Ах ты мошенник старый! — кричат французы. — Не желаешь добром, силой сказать заставим.

Схватили солдаты деда. Швырнули, как сноп, на лавку. Теперь уже двое стоят с нагайками.

Крутилась здесь Мотя — внучка упрямого старосты. Жалко ей деда, знает она, где зерно зарыто.

Взлетели над спиной старика, как цепа в обмолот, нагайки. Зажмурилась Мотя:

— Стойте!

Остановились французы, смотрят на Мотю.

— Дедушка хворый. Не бейте. Я покажу.

— Ах ты душа окаянная, — сплюнул старик с досады, потянулся к печному ухвату.

Съёжилась Мотя.

— Но, но, — вмешались французы. — А ну, собирайся! — командуют Моте.

Собралась девочка. Идёт, от обиды и страха всхлипывает. Вывела она французских солдат за окопицу. Повела за бугор к оврагу.

Кусты над оврагом. Место укрытое. Пойди разыщи здесь зерно без Моти.

Спустились французы в овраг. Отмерила Мотя четыре шага от какой-то коряги, указала:

— Вот здесь.

Отложили солдаты ружья. Сняли мундиры. Лопаты в руки. Довольны французы: близка удача.

— А ну, не мешайся! — кричат на Мотю.

Роют французы. Потеют французы. Французы вовсю стараются.

А в это время там наверху, над краем оврага, из-за кустов высунулась чья-то бородатая голова. Следом за ней другая: улыбнулся Моте безусый парень, глазом хитро моргнул.

Смешно, хихикнуть хотела Мотя. Однако сдержалась.

Зашевелились кусты над оврагом. Поднялись крестьяне в свой полный рост. Один за другим прыгают вниз партизаны.

Минута, вторая — вповалку лежат французы. Руки вожжами скручены.

Идут партизаны домой. Гонят солдат французских.

— Эка, удачлива ты, Матрёна, — хвалит девочку тот бородатый.

— Ахтёры вы с нашим старостой, — хихикает парень.

— Семь штук — дела нешутейные, — рассуждает какой-то мужик.

— Подумаешь, семь, — улыбается Мотя. — Намедни их было двадцать.

Вот и всё. Вот и рассказ про деревню Ивановку, про отважную Мотю, Мотю-Матрёну — русскую девочку.

[АРКАН](#)

Наловчились крестьяне села Локотки арканом ловить французов. Спрятутся где-нибудь в кустах при лесной дороге, ждут — не пройдёт ли какой отряд. Дождутся — конных ли, пеших. Подстерегут того, кто отстал, аркан немедля ему на шею. И сразу к себе. Кляп ему в рот, пока тот не вскрикнул. И будь тут здоров, мусье. Как карась, на уду попался.

Как-то снова крестьяне засели на выгодном месте. Вначале была неудача — никто не движется. И вдруг конный отряд рысями. И, как всегда, кто-нибудь сзади. На сей раз рослый, с чубом француз. Подъехал француз к кустам, где притаились крестьяне. Взвился аркан. Полетел наездник с коня. Кляп во рту у него немедленно.

Приволокли мужики француза к себе в Локотки. Дорогой ещё пристукнули. Уж больно ершистый француз попался. Не унимался, всё ногами крестьян пинал.

Положили крестьяне пленного в каком-то хлеву. Притащили воды, плеснули на голову. Вынули кляп. Решили вести в уезд, в Сычёвку. Там принимали пленных.

Поднялся француз, как закричит:

— Путаны бороды! Сивые мерини! Рог вам бугаев под самое дыхало!

Крестьяне так и разинули рты. Икота на иных напала. Кто-то помчал в кусты.

Оказалось, то был не француз, а донской казак из отряда Дениса Давыдова. Казаки специально оделись во французскую форму. Ехали то ли в разведку, то ли ещё по какому делу.

Опомнились, пришли, конечно, крестьяне в себя:

— Да откуда мы ведали.

— На лбу не написано.

— Скажи спасибо, что жив остался.

— Глаза поросячьи! Дубы неотёсанны! — не утихает казак. — А это что?! — и тычет на чуб казацкий.

Конечно, чубов у французов не было. Да поди разгляди там в такую минуту.

— Ладно, — наконец приостыл казак. — Есть ли чарка у вас вина?

— Это найдётся.

Выпил казак, тряхнул плечами:

— Ну, мужички, бывайте! Благодарствую за угощение.

Несколько дней крестьяне не решались выходить на дорогу.

— Ну их, снова не энто схватишь!

А потом опять принялись за дело. Однако теперь осторожнее. Схватят француза крестьяне, смотрят прежде всего на голову — не виден ли чуб казацкий.

[В НЕБОЛЬШОМ ГОРОДКЕ БОРОВСКЕ](#)

Приёмный пункт для пленённых французов в небольшом городке Боровске. С самого утра начинают тянуться сюда крестьяне. Доставляют свою добычу. Кое-кто приходит и с ночи — быстрей бы управиться. Дел у крестьян и помимо французов много.

Вот мужики привели офицера. Вот крестьяне целый отряд пригнали. Две молодухи, смеясь и лузгая семечки, приволокли усатого егеря. Снова какой-то отряд. Старуха с ружьём и два гренадера. А вот пришагал мальчишка. Маленький-маленький — мужичок с ноготок. Тоже привёл француза.

— Дитятко!

— Родненький!

— Да как ты его довёл?!

Топырит мальчонка губы:

— Это уже второй.

— Ух ты!

— Ох ты!

— Да кто же его споймал?

— Я, — отвечает мальчишка.

Собрались крестьяне вокруг. Верят — не верят.

— А ну, расскажи про геройство.

— Дуй!

— Не стесняйся!

— Бреши!

Обиделся было мальчонка. А потом рассказал:

— Мы с дедом его словили. Я и коза.

— Какая ещё коза?!

— Манька, бодатая.

Интересно крестьянам.

— Ну, ну, поподробнее!

Оказывается, коза, привязанная к дереву у края дороги, своим видом приманивала поотставших французов, а дед оглушал их дубиной. Первого даже до смерти.

— Хитры, хитры... — говорят крестьяне.

— Значит, и Манька вроде в героях.

— А дед, ты смотри, мужик ещё сильный.

— Сильный, — соглашается мальчик. — Только он при одной ноге. В армии фельдмаршала Суворова при крепости Измаил покалеченный.

— Выходит, солдат. Понятно.

— Ну, а вести-то такого тебе не боязно?

— Он же связанный.

— А вдруг побежит!

— Убежит! — усмехнулся мальчионка. — А это вот что? — и показывает на самодельную пику.

— И ты бы пырнул?!

— Пырнул!

— Эка жестокости сколько в малом, — процедила одна из молодок.

— Да, обозлились сердца, — задумчиво бросил какой-то крестьянин.

— Мне её дед смастерили, — снова заговорил о пике мальчишко.

— Да что ты всё дед да дед. А где же твой отец?

— Убит на войне родитель.

[ФРАНЦУЗСКАЯ ШАПКА](#)

Агапка мечтал о французской шапке. Той, что носят гвардейцы: из медвежьего меха, с высоким красным султаном и медной бляхой.

Отец у Агапки в партизанском отряде. Раздобыл он в каком-то бою долгожданный гостинец сыну.

— На, получай!

Напялил Агапка — загляденье, не шапка.

Помчался мальчик по сельским улицам. Видят его крестьяне, смеются крестьяне:

— Басурманин бежит, глядите!

Повстречались Агапке парни. Улюлюкают парни:

— Лови, окружай француза!

Попался Агапке Шарик:

«Тяв-тяв, тяв-тяв!»

— Однако, глупый какой ты, Шарик. Ты что, не узнал Агапку?!

Увидел Агапку гусь.

«Га-га-га, га-га-га», — тянет к мальчишке шею.

Отбился едва Агапка.

Примчался мальчик к дружкам и приятелям. Окружили его ребята.

— Дай поносить, Агапка.

Жалко Агапке. Шапка с султаном — такую ребятам!

Обозлились мальчишки:

— Француз. Бей, колоти француза!

Достаётся Агапке. Будь ты проклята, эта шапка!

[ВАНЮШКА, МАРФУТКА, ФИЛЬКА И ТРОЕ ДРУГИХ РЕБЯТ](#)

Собрались ребята, бродили по лесу. Было их шестеро: Ванюшка Валуев, Марфутка, Филька и трое ещё ребят. Осень. Ни ягод тебе, ни грибов, ни птичьих гнёзд на деревьях. Чем бы сейчас заняться? Вот бы поймать француза.

Размечтались ребята.

Француз здоровенный, конечно, с усами. Лошадиные скулы. Глазища большие, размером с кулак. Ружьё при французе, походная сумка.

Представляют ребята, как ловят французов в плен.

— Заходи! — кричит Ванюшка Валуев. — Окружай! Вали его наземь! Бей дубиной... Руки и ноги ему вяжи...

Ванюшка в компании старший. Исполняют ребята его команды. Вместо француза у них бревно.

Наигрались ребята, идут домой. Смотрят — под ёлкой, под сивой лапой, лежит настоящий француз.

Бредит солдат, лопочет что-то на своём языке. Глаза у него закрыты. Ружья при французе не видно. Нет и походной сумки. И совсем он безусый. И вовсе не страшный. Мундир весь изодран — сквозь дыры голое тело светит.

— Налетай! — закричал Ванюшка. — Вяжи ему руки и ноги...

Однако ребята не двинулись с места. Да и сам-то Ванюшка крикнул не очень бойко.

В общем, пропала вдруг у ребят охота брать француза лежащего в плен.

Стоят, перешёптываются:

— Помирает, видать, француз.

— Раненый?

— Голод небось измучил.

Стали ребята думать, как же им быть.

— Может, в село донести об этом?

— Правда, давай в село.

Только хотели бежать, да снова задумались.

— На вилы его мужики подымут.

— Топорами прикончат.

Жалко стало ребятам француза. Уж больно он стонет и мечется. Пусть помирает естественной смертью.

Вернулись в село, разошлись по домам.

Вошёл Ванюшка в избу, на душе как-то тягостно. Всё видит, как бредит в лесу француз. Он же с голodu там помирает. Покрутился Ванюшка с час — то на улице, то в огородах, даже к речке специально бегал, — никак не может забыть солдата. Наконец вернулся домой, сунул под одежонку краюху хлеба, снова помчался в лес.

Растолкал он француза. Приоткрыл тот глаза. Хотел рвануться с испуга, да слаб — остался на месте. Тычет Ванюшка ему краюху. Увидел солдат, потянулся. Слеза из глаза непрошено капнула.

В это время Ванюшка услышал шорохи. Обернулся — мелькнула тряпица. Так это ж бежит Марфутка.

Подбежала Марфутка, видит Ванюшку, страшно смущилась: хлеб у неё в руках.

Вслед за Марфуткой явился Филька. За ним и трое других ребят.

Словом, снова ребята вместе в лесу собирались, и каждый еду принёс.

С этого дня и стали они приходить к французу. Соорудили ему шалаш, рядно притащили, Марфутка — ниток: зашить мундир.

Завелась у ребят настоящая тайна. В селе — ни гугу.

Удивляются их родители. Где пропадают ребята?

— Да так мы... — уклончиво ответил Ванюшка.

— Я на хутор к подружке хожу, — заявит Марфутка.

— Да я тут, я всё время у дома, — отвертится Филька.

— Мы в горелки в лесу играем, — скажут трое других ребят.

Стал француз поправляться. Явились как-то ребята. Смотрят — солдат кораблик из дерева выстругал. Весло кормовое к нему отдельно.

— Нате, для вас, — сует француз гостинец ребятам.

На следующий день вырезал им человечка. Человечек забавный — руками, ногами дрыгает. Веселит, как живой, ребят.

Стал француз подыматься. Даже ходить.

Явились ребята на третий день — нет в шалаше француза.

Ушёл из тех мест солдат. Лишь кораблик и весёлого человечка, как память свою, оставил.

Даже грустно стало ребятам. Вот так взял и ушёл, ничего не сказал. Привыкли ребята к французу.

Вернулись домой опять невесёлые.

— Да что тут с вами такое творится! — пристали снова родители.

Пожались, пожались ребята, а потом рассказали. Вначале Марфутка, затем Филька, затем трое других ребят. Даже Ванюшка и тот признался.

Рассказали про всё: и про первую встречу, и о том, как, не сговорившись, хлеб ему потащили, и про слёзы, что были тогда у француза в глазах, и как мундир зашивала Марфутка, и как шалаш ему строили. Потом отдельно про кораблик и забавного человечка.

Думали ребята, что будут в селе их ругать.

Однако крестьяне такую весть встретили как-то спокойно. Не журили ребят. А кто-то даже сказал:

— Ну что ж, дай ему господь дорогу добрую! Может, и он такой же, как мы, крестьянин.

Поражались ребята. Особенно на следующий день, когда те же самые мужики и в том же самом лесу трёх новых французов подняли на вилы.

[ШАПКУ ОБ ЗЕМЛЮ](#)

Наслышавшись всяких донесений о действиях крестьянских отрядов, Кутузов решил взглянуть на живых героев.

Под городом Юхновом собирались к нему партизаны. Были всякие: и старые и молодые, подороднее и попроще, кое-кто с боевыми рубцами, и даже один без глаза, и тоже, как у Кутузова, — правого.

Набились крестьяне в избу. Расселись. Стал угождать их Кутузов чаем. Пьют мужики осторожно, не торопясь, сахар вприкуску.

За чаем зашёл разговор. Конечно, прежде всего о войне, о французах.

— Французы — народ геройский, — заявляют крестьяне. — Да только духом они слабее. Дал Бонапарт промашку: разве испугом возьмёшь Россию!

— Тут Невский ещё сказал, — вспомнил безглазый, — прибудешь с мечом, от меча и погибнешь!

— Верно! — шумят крестьяне.

Заговорили затем о Москве.

— Конечно, жалко. Немаленький город. Веками в народе славится. Да разве Москва — Россия? Отстроится город. Была бы жива держава.

Хвалит Кутузов крестьян за смелые стычки с французами.

— Мы что... Нам достаётся плотвичка. Тут армии первое слово.

Видит Кутузов — неглупый народ собрался. Приятно вести беседы.

— О Денисе Давыдове слышали?

— А как же! И в нашем уезде его отряды. Лихой командир. Зачинатель великого дела.

— Говорят, на Смоленщине женщина видная есть?

— Так это же Кожина, — отвечают крестьяне. — Старостиха Василиса. Гвардейская баба! Мужской хватки.

Вспомнили солдата Четвертакова.

— Природный начальник. Ему б в офицерах положено быть.

Потом как-то, Кутузов и не заметил, разговор перешёл на другое. Заговорили крестьяне про озимые, про яровые. Про недород на Смоленщине. Потом о барах, и вдруг:

- Михайла Илларионович, ваша светлость, а как насчёт воли? Чай, после победы крестьянам её дадут?
- И как там с землёй? — сунулся кто-то.

Не ожидал Кутузов такого. Ну что он скажет крестьянам про волю? Дикость, конечно, в России. Кутузов бы волю дал. Да он ведь только над войском начальник. Сие не ему решать.

Не знает, что и ответить, фельдмаршал. Впервые попал впросак.

Ясно крестьянам, что трудный задали вопрос. Не захотели смущать Кутузова, снова вернулись к войне. Да только разговор как-то уже не клеился. Отпустил их Кутузов.

Идут по селу крестьяне:

- Да, воли оно не предвидится.
- И земля, как была, — у господ останется.

Замедлил ход вдруг какой-то парень. Скинул он шапку и с силой об землю:

- Только напрасно с французами бьёмся! Жизнью своей рискуем.
- Цыц, молоко необсохшее! — выкрикнул тот, безглазый. — Тут вещи не равные — разные. Баре есть баре. Россия — Россия!

ЧТО-ТО ТОПОРЩИТСЯ

Забелело. Выпал недавно снег. Идёт по дороге отряд французский. Ремни у солдат подтянуты. Холод, конечно. Одежда летняя. Только холод ещё терпим. Голод французов мучает.

Вдруг навстречу сани крестьянские по первопутку. Мужик на санях. Мальчонка лошадкой правит. Бежит лошадёнка трусцой. Снег пока неглубокий. Хорош у полозьев накат.

Сани груженые. Что-то рядном укрыто. Что-то такое топорщится. Размечтались солдаты:

- Может, хлеба мешки печёного.
- Может, мясо отвозят в город.

— Может, боров рядом укрыт.

— Вот была бы удача!

Смотрят на лошадёнку. Лошадёнка хоть роста среднего, не кавалерийский, конечно, конь, да неплохо, видать, откормлена. Так и просится прямо с санями в котёл. Разгораются страсти солдатские. Криком кричит аппетит.

— Эх, не свернул бы мужик с дороги!

Да нет. Не чует беды лошадёнка. Не чует беды мальчишка. Глупо сидит мужик. Скользят по ухабам сани. Всё ближе и ближе. Солдатский спирается дых. Ещё минута, и знай что хватай.

И вдруг... Развернулись, как в танце, сани. Хвостом повернулась к французам лошадь. Застыла. Спрятался мужик на землю. Тянет с саней рядно.

— Берегись! — закричали французы. Схватили поспешно ружья.

Пушка на них глядит.

И вот — запал в руках у крестьянина. Мальчишки восторженный вид. Пламя. Грохот. Картечи свист. Ответно раненых стон протяжный. Дорога в телах побитых.

Дело сделано. Что есть силы летит лошадёнка. Небо. Поле. Полозьев скрип.

БАСНЯ КРЫЛОВА

Капитан Ивлев из Петербурга привёз газетку, в которой была напечатана басня «Волк на птарне» стихотворца Крылова.

Стали офицеры её читать:

Взмолился волк, увидя свою погибель. Стал хитрить и ловчить. Уверяет, что пришёл он сюда вовсе не с целью разбоя. Клянётся, что отныне он овцам друг. Что больше никогда трогать мирных отар не станет.

Посмотрел на разбойника ловчий:

— Послушай-ка, сосед...
Ты сер, а я, приятель, сед,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
С волками иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой.
И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

— Ба, да это же про французов! — кричат офицеры. — Про нашего главнокомандующего, Михaila Илларионовича. Он — ловчий. Слышали: «сед». Так это же наш фельдмаршал.

Схватили офицеры газетку, помчались к Кутузову.

— Батюшка, Михайлa Илларионович! Басенка тут, в газете, про вашу светлость.

Взял Кутузов газету, не торопясь прочитал.

— Дельная басенка. Ты смотри — мастак Крылов, стихотворец. Только в сей басне один изъян.

— Нет изъяна! — кричат офицеры. — Всё тут доподлинно верно.

— Вот и не всё, — ответил Кутузов. — Про главное тут забыто.

Смутились офицеры.

— Главное в том, — произнёс фельдмаршал, — что не ловчий выпустил гончих стаю. Мститель сам по себе поднялся.

БОЛЬШИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Ещё до того как разгорелась Бородинская битва, в дни, когда русская армия отступала, к князю Петру Багратиону неожиданно явился подполковник Ахтырского гусарского полка Денис Давыдов.

Багратион Давыдова знал давно — когда-то Давыдов служил у него адъютантом, — принял сразу и очень приветливо.

— Ну рассказывай, ну выкладывай. Начальство обидело?

— Нет, — отвечает Давыдов.

— Наградой обойдён? В отпуск, наверное, просишься?

— Нет, — отвечает Давыдов.

Поразился Багратион. Ждёт, что же скажет ему подполковник.

— Вот какую имею мысль, — произнёс Давыдов.

И стал говорить о французской армии. Мол, растянулась армия на сотни и сотни вёрст. От самого Немана через всю Россию тащатся к ней обозы, идут подкрепления, порох, ядра везут.

— Верно, — бросает князь Пётр.

— Всё время туда и сюда мчатся курьеры с бумагами. Длинный французам путь.

— Так, так... — слушает Багратион. — Нового не открываешь.

— А новое в том, — вдруг заявил Давыдов, — что надо, ваше сиятельство, оставить у Бонапарта в тылу конные наши отряды. Пусть они обозы и мелкие части щупают. Будет немалый урон врагу. Прошу казаков и гусар — докажу, как возможное.

Пока Давыдов всё это говорил, лицо Багратиона светлело, светлело и даже вовсе расплылось в улыбке.

— Молодец! Дай поцелую. — Поцеловал. — Жди.

Багратион тут же пошёл к Кутузову. Начал с того, с чего и Давыдов. Мол, французская армия растянулась на сотни и сотни вёрст... И передал всё слово в слово о просьбе Дениса Давыдова.

Выслушал Кутузов Багратиона:

— Фантазии разные...

Кутузов только что принял армию, готовился к бою и берёг каждый отряд солдат.

— Ваша светлость, — обиделся Багратион, а был он на редкость вспыльчивым, — фантазии в том, что часто мы собственной выгоды не разумеем! — И потом ужетише: — В этом деле есть полный резон. Тут выйдут большие последствия.

— Ну ладно, голубчик, ладно. Я же ведь так. Человек-то надёжный твой подполковник? Говоришь, из гусар? Им бы пыль по глазам начальству.

— Надёжный, ваша светлость. Пять лет у меня в адъютантах был.

Подумал Кутузов:

«Ладно, может, и вправду дело будет сие значительным».

Распорядился Кутузов выделить Давыдову 50 гусар и 80 казаков.

Так возник первый партизанский отряд. Русская армия отошла дальше, а Денис Давыдов ушёл в леса.

Немало причинили партизаны вреда французам. Фельдмаршал вскоре оценил мудрое предложение Давыдова и теперь уже сам стал отправлять отряды солдат в тыл к неприятелю.

К солдатам всё чаще и чаще присоединялись крестьяне. Они и сами создавали свои отряды. Сотни и тысячи крестьянских отрядов разили теперь врага.

Как в половодье река сокрушает округу, так и тут — на войне народной — прорвался крестьянский гнев. Спустя два месяца, когда русская армия уже перешла в наступление, Кутузов распорядился вызвать в ставку к себе Давыдова.

Он долго смотрел на гусара. Наконец произнёс:

— Тут я как-то при жизни князя Петра назвал твой манёвр фантазией. Прости старика. Только не думай, что я от слов своих отрекаюсь. То, что свершилось, доподлинно есть фантазия.

И так же, как тогда князь Багратион, подошёл и крепко расцеловал Дениса Давыдова.

Глава шестая

ПОСЛЕДНИЙ КРИК НАПОЛЕОНА

РАМА

Солдат Жорж Мишле шёл в Россию с большой охотой: «Россия страна богатая. Немало добра домой привезу». Да что там Мишле, все солдаты в такое верили. Самим императором это обещано.

Стал Мишле припасать богатства. В Смоленске — шубу из горностая. В Вязьме достал дорогие подсвечники. В Гжатске — ковёр из памирской

шерсти. В Москве в каком-то большом соборе похитил икону в серебряной раме.

Доволен Мишле. Взял бы ещё, да тяжесть и так большая.

«Ну, — рассуждает Мишле, — теперь пусть русские просят мир. Готов я домой к отбытию».

А русские мир не просят. Что день, то французам всё хуже и хуже. Лютым местом стала для них Москва.

И вот покатились французы. Дай бог унести из России ноги.

Поспешно стал собираться Мишле. Вещи свои пакует. Ковёр из памирской шерсти — в мешок, в ранец солдатский — подсвечники, шубу — поверх мундира. А раму куда? Раму надел на шею. Торчит из неё мародёра лицо, словно лицо святого.

Гонят французов русские. Армия бьёт. Партизаны в лесах встречают. У дорог стерегут крестьяне.

Быстрым маршем идут французы. Потеет Мишле.

Унести такое добро силы нужны немалые. Ранец плечи ему натирает. Рама тяжёлая — полпуда в ней серебра, голову веткой к дороге клонит. Шуба длинная, полы волочатся — трудно в такой идти.

Отступает французская армия. Неустанно тревожат её казаки. Кутузов в боях добивает.

Всё больше и больше отставших среди французов. Плетётся, как тень, Мишле. Отстаёт от своих солдат. Силы его покидают.

Нужно с добром расставаться.

Дошли до Гжатска. Тут, когда наступали, Мишле раздобыл ковёр. Вспомнил француз о хороших днях, поплакал. Кинул памирский ковёр.

Дошли до Вязьмы. Тут достал дорогие подсвечники. Глянул на них. Вытер слезу. Бросил подсвечники.

Дошли до Смоленска — расстался с шубой.

Расстаётся с вещами Мишле. Жалко до слёз добытого. Плачет Мишле. Ружьё незаметно бросил, ранец откинул. Однако раму упорно тащит.

— Да брось ты проклятую раму! — кричат упрямцу товарищи.

И рад бы, да не может бросить Мишле. Не в силах Мишле расстаться. Ему богатства же были обещаны. Он, может, в Россию специально шёл ради этой серебряной рамы.

Оставили вовсе солдата силы.

Отстал за Смоленском Мишле. Отстал, отился и помер в дороге.

Лежит в придорожной канаве рама. Торчит из неё мародёра лицо, словно лицо святого.

РУЖЬЁ

Штабной офицер Хитаров, докладывая Кутузову о действиях русской армии, всегда преувеличивал наши успехи.

— Сегодня, ваша светлость, столько-то французских солдат побито. (А побито как раз в два раза меньше.)

— При таком-то деле, ваша светлость, столько-то взято в плен. (А взято — дай бог половина.)

Заметил это Кутузов и как-то:

— Выходит, голубчик, мы с одной Бонапартовой армией справились. Почитай, взялись за другую?!

Смутился Хитаров, сбавил свой пыл. Однако прошло какое-то время, и опять за то же.

— Сегодня столько-то пушек у французов отбито. (А их вовсе в этот день не отбито.)

— А партизаны доносят, что три знамени взято в плен. (И тоже, шельмец, придумал.)

Разозлился Кутузов:

— Да как ты, голубчик, смеешь доносить мне, прости старика, столь беспardonную ложь!

И тут-то Хитаров признался:

— Не могу я, ваша светлость! Оно же хочется, чтобы скорее. Чувства во мне говорят патриотические.

Подивился Кутузов:

— Скорее?..

Подумал. Позвал адъютанта:

— Подай-ка ружьё.

Опять повернулся к Хитарову:

— А знаешь ли что, голубчик? Чтобы было оно быстрее — на, получай ружьё и ступай-ка в маршевый полк немедля.

И тут же отдал приказ об этом.

НАГАЙКА

Кутузов никогда не расставался с казацкой нагайкой. Висела она у него через плечо, без всякого дела. Коня не стегал, руку на солдат не поднимал. Зачем же тогда нагайка?

Спросит об этом кто-нибудь у Кутузова.

— Пусть повисит, голубчик, пусть, — ответит Кутузов. — Даст бог, дело и ей найдётся.

Наступили холода. По-разному одеты в частях солдаты. Там, где интенданты и офицеры заботливы, полки и роты в тепле. Там, где офицеры и интенданты с ленцой, мёрзнут, бедуют солдаты.

Как-то приехал Кутузов в полк, где офицеры как раз ленивые. Пошёл фельдмаршал по ротам. Явился в одну: одежонка солдатская — старь, башмаки ни разу не чинены, форма к зиме не завезена. Посетил Кутузов вторую роту. И в этой роте всё точь-в-точь как и в первой. То же самое в третьей роте.

Вернулся Кутузов в полковую избу, собрал офицеров:

— Как живёте, господа офицеры?

— Бог милует.

— Как службу несёте?

— Стаемся.

— Не холодно вам, господа офицеры?

— Согреты вашим присутствием, — льстиво отвечают ему офицеры.

Усмехнулся Кутузов. Видит — перед ним не только ленивцы, но и хитрецы к тому же отменные. Кряхтя, начинает снимать нагайку.

— Так, так... Ну, а солдаты чем же согреты?!

— Победами, ваша светлость! — гаркнули офицеры.

Кутузов остановился, глянул на офицеров. И вдруг передумал, снова надел нагайку. Находчивость офицеров поразила фельдмаршала. Решил он виновных простить.

— Виновны, — признались теперь офицеры, всё ещё с опаской поглядывая на нагайку. — Будет исполнено.

— Ладно, ступайте, — сказал Кутузов. А сам подумал: «А всё же хорошо, что нагайка висит. Гляжу, она и без дела инструмент небесполезный».

РУКАВИЧКИ

В русскую армию в виде пожертвований от населения стали поступать тёплые вещи. Раскрывали в grenadierском полку посылку: три пары валяных сапог, шапка-ушанка, шапка крестьянская — малахай, поддёвка, ещё раз поддёвка, портнянок суконных, считай, десяток.

— А это что?

Смотрят солдаты — лежат рукавички. Маленькие-маленькие. Из козьего меха. Узором цветным расшиты. Детские.

Вот так тебе подарок!

Посылка пришла из-под Вологды.

Собирали крестьяне солдатский гостище. Тащили своё добро.

— Солдату тепло как родная мамка.

— Солдату память вещей дороже.

— Не жалей, мужички, служивым!

— Как не помочь героям!

Крутилась девочка Маша Докукина. Не хочется ей отставать от других. И она горой за служивых. Взяла и сунула рукавички.

Достали солдаты гостище. Не знают они про Машу. Решают: видать, по ошибке.

Однако нашёлся умный солдат:

— Нет здесь ошибки. Давай-ка сюда.

Отдали ему гостинец.

Принял солдат. И сразу про дом, про деревню вспомнил, жену и своих ребят.

Интересуются другие:

— Ну, как рукавички?

— Хороши, — отвечает солдат.

Хоть и в кармане лежат рукавички, да греют они солдата.

РОТНЫЙ

На полпути между Смоленском и Оршой, под селением Красным, разгорелась новая битва с французами. Продолжалась битва четыре дня.

Началось с того, что французская гвардия потеснила отряды русских. А какая-то рота и вовсе оказалась в кругу французов. Гвардия слева, гвардия справа, неприятель сзади и впереди. В роте три офицера. Старший из них ротный — в перестрелке убит.

Расстроилась рота. Не слышат команд солдаты.

Нет бы оставшимся офицерам взять на себя начальство. Да, видимо, оба они растерялись.

Остались солдаты без старшего. Рассыпались в разные стороны. Ожидает погибель солдат. Как тисками, будут они раздавлены. А ещё хуже — позорный плен.

И вдруг вышел вперёд солдат Семён Перегудов:

— Братцы, стой! Братцы, не трусь! Братцы, слушай мою команду!

Кричал Перегудов громко. Роста был он приметного. Различили его солдаты. Тут же собрались в кучу.

— Братцы! — кричит Перегудов. — Бей в одно место. Все разом. Ломись, как в закрытую дверь! На гвардию сыщется гвардия. Братцы, вперёд! — и первым полез на французов.

Бросились вслед солдаты. И вправду пробились. Не то чтобы дверь ворота чугунные вынесли б.

Вернулись солдаты к своим.

— Живы?!

— Да как вас господь помиловал?!

Смеются солдаты:

— Перегудова нам послал!

Узнал Кутузов про доблестный подвиг солдата:

— Командовал ротой?

— Так точно. Роту из плена спас.

Подумал Кутузов, назначил солдата и впредь командовать ротой.

Говорят фельдмаршалу адъютанты: мол, в роте и так офицеры есть. Им бы по праву вместо солдата пойти в повышение, раз так уж случилось, что ротный начальник в бою был убит.

— Ах, и офицеры в той роте были?!

— Так точно, ваша светлость. Были и есть...

— Нет, были, — прервал Кутузов. — Нынче нет таких офицеров. Остались они в окружении.

Как так?! Не могут понять адъютанты. Офицеры же вместе со всеми вернулись.

— Нет, — повторил Кутузов. — Вернулся лишь один офицер — Семён Перегудов. А те не вернулись, — и поправил повязку, что прикрывала правый, выбитый пулей глаз.

Четыре дня продолжались бои под Красным. На пятый день французы бежали.

[КАЗАКИ ХОТИЯТ ЖЕНИТЬСЯ](#)

Когда казаки не схватили Наполеона под Малым Ярославцем, свою неудачу переживали не только они.

Сокрушался и сам донской атаман генерал Платов. Лестно ему, если бы вдруг такое случилось.

Решил атаман раззадорить своих казаков. Пообещал он за того из них, кто поймает Наполеона, выдать дочь свою и богатства большие в придачу.

Дочь у атамана красавица. Стройна и румяна. Соловиным голосом песни поёт. Живёт в столице войска донского городе Новочеркасске. В Питере часто бывает. С самой царицей знакомство водит.

— Вот бы на ком жениться!

Взыграла казацкая лихость. Рыщут вокруг отступающих войск казаки, ищут свою удачу.

Только Наполеон не щегол, не белка. В силки не поймаешь. Орехом не подзовёшь. Отходит Наполеон под защитой гвардии. Пойди подступись.

Нет, не видать казакам невесты, остывает казацкий пыл.

Понимает Платов, что малоярославская удача не повторится. Подумал и сбавил.

— Ладно, приведите любого французского маршала.

Опять казаки за дело. Целыми днями в седле трясутся — где бы маршал какой попался.

Да ведь и маршалы тоже не перепёлки. По полю одни не ходят.

Трудна, непосильна такая задача.

И вдруг под городом Красным казаки набрели на обоз Даву.

Налетели со всех сторон. Окружили, побили стражу. А где же хозяин? Смотрят: вот он в кибитке — маршал и маршальский жезл. Схватили, торопятся к Платову.

Сияет казак Самодвига. Он первым схватил Даву. То-то будет донцу награда.

Примчались удачники к Платову. Глянул Платов на жезл — настоящий маршальский жезл. Всё верно — его, Даву.

Жезл настоящий, а маршал поддельный. Не было Даву тогда при обозе. Приволокли казаки кого-то другого.

— Тыфу ты! — В досаде казацкие лица. Выходит — ничто старание.

Пуще всех огорчён Самодвига. Из-под носа ушла невеста. Чуть не плачет лихой казак.

— Атаман, Матвей Иванович! Поцеловать бы хотя красавицу...

Глянул Платов на казака. Жезл достать — дело тоже геройское.

— Ладно. Воротясь из похода.

Однако не пришлось молодцу целоваться с донской красавицей. Через день казака убило.

Казак погиб, а жезл сохранился. Он и ныне в музее храним, как память о днях геройских

[«СЧАСТЬЕ ИМЕЮ»](#)

Начальником штаба при Кутузове был генерал Беннигсен. Намучился с ним Кутузов.

Кутузов скажет одно — Беннигсен, словно назло, другое. Кутузов ругает кого-нибудь из офицеров — Беннигсен берёт под защиту. Главнокомандующий награждает — начальник штаба чинит помехи.

Но главное было не в этом, а в том, что Беннигсен не столько помогал, сколько мешал успешным и правильным действиям русской армии.

То он настаивал, чтобы Кутузов сразу же после Бородина дал новую битву французам. Мол, нельзя оставлять Москвы. А дать битву — значило не видеть дальше своего носа, не думать о будущем. Таким и был Беннигсен.

Потом, когда только что отошли от Москвы, едё до Тарутина, Беннигсен снова за битву. Мол, смотрите, какой он, Беннигсен, великий патриот — так и рвётся в бой с неприятелем. А о том, удачно ли место для боя и пора ли его давать, генерал и не думает. Честно говоря, генералом он был просто неважным.

Тут Кутузов впервые по-настоящему разозлился.

— Ладно, — говорит, — принимайте командование. А я уйду в рядовые. Берите весь штаб, ступайте ищите место для боя.

Обрадовался Беннигсен, собрал генералов, помчался высматривать место для битвы.

Выбрал одно.

— Нет, — говорят генералы, — место плохое.

Выбрал новое место.

— Нет, — говорят генералы, — место совсем непригодное.

Выбрал третье, и это не лучше.

Ездил, ездил Беннигсен по разным местам, замучил штабных генералов. Нет ничего подходящего.

Вернулся понурый назад.

— Ну как? — спрашивает Кутузов.

Разводят генералы руками. Стоит Беннигсен сконфужен.

— В таком случае, я снова главный, — сказал Кутузов. — Будьте добры, генерал, выполняйте мои приказы.

Все знали, что Беннигсен просто завидует главнокомандующему. Отсюда во всём упрямство. Не любили в армии генерала. Зато Беннигсен был любимцем царя. Царь же ненавидел Кутузова. Он и назначил-то Кутузова на пост главнокомандующего лишь потому, что другого выхода не было, не имелось в русской армии второго, равного Кутузову генерала. Весь народ тогда стал за Кутузова.

Зная отношение Александра к фельдмаршалу, Беннигсен писал царю на Кутузова разные недобрые письма — короче, шпионил и наговаривал.

Под Красным терпение Кутузова лопнуло.

Вызвал он Беннигсена:

— Генерал, у вас бледность я замечаю в лице. Вы болезнью какой-то страдаете.

«Какая бледность, какая болезнь?» — удивляется Беннигсен. Он и румян, и здоров, и аппетит у него хороший.

— Здоров я, ваша светлость.

— Нет, нет. Это вам кажется, — отвечает Кутузов. — Вам лечиться, батенька, надобно. Непременно лечиться. Немедля, прямо сейчас. Сию же минуту. Поезжайте-ка, друг мой, в Калугу. Там воздух для вас полезный.

И отправил его в Калугу. Тут же позвал адъютанта, потребовал лист бумаги и сел писать письмо государю.

«По случаю болезненных припадков генерала Беннигсена и по разным другим обстоятельствам, — писал Кутузов, — предписал я ему отправиться в город Калугу... — Фельдмаршал задумался. Написал: — О чём счастье имею вашему величеству донести».

В то время, обращаясь к царю, обычно писали «счастье имею» (мол, обратиться к вам). Вот и использовал Кутузов такую форму. А сам, конечно, имел в виду другое. Фельдмаршал был счастлив, что выпроводил наконец Беннигсена. Пусть себе ломает царь Александр голову, о каком тут счастье ведётся речь.

ЧЕТЫРЕ ГУСАРА

Четыре гусара. Весёлых гусара. Четыре друга отправились в русский поход. Смеялись гусары, шутили гусары:

— Подумаешь, русский поход!

Прошли они Неман, в Витебске бились, блуждали в смоленском огне.

Смеются гусары:

— Война есть война!

На Багратионовы лазили флеши.

Шутят гусары:

— Флеши есть флеши!

Однако время не знало шуток. Грозный приблизился час. Побежали французы домой.

Не унывают гусары. Четыре гусара. Весёлых гусара. Старинных четыре друга.

— Домой так домой!

Голод пошёл по войску. Крошки съестного нет.

— Что нам голод! — смеются гусары. Принялись есть лошадей.

Съели первую.

Трое едут — четвёртый идёт пешком.

Съели вторую.

Двое едут — двое идут пешком.

Съели третью.

Один едет — трое идут пешком.

Съеден последний конь. Остались они безлошадными.

Идут, не унывают гусары. Четыре гусара. Весёлых гусара. Четыре надёжных друга.

Однако чем дальше, тем хуже и хуже. Голод есть голод. Истомились мои гусары — хоть кости свои гладай.

Переглянулись гусары. Прошла минута. Прошла вторая. Может быть, больше. Кто их тогда считал?

И вдруг исчезли, пропали, как сон, гусары. Словно и вовсе их свет не видал.

Что за чудо?! Где же гусары? Четыре гусара. Весёлых гусара. Верных четыре друга.

Съели друг друга гусары.

ИЗЫСКАННЫЕ МАНЕРЫ

Отступает французская армия. Снегом весенним тает. Редеют полки, исчезают роты. В батальонах — по двадцать душ.

После Красного без оглядки бежит неприятель.

Река на пути французов. Белорусских полей красавица — знаменитая Березина.

Берега низкие, ровные. Далёкий открытый вид. Снегом поля занесены. Правда, река ещё не замёрзла. Льдины, как стаи, плывут.

Подошли, остановились французы. Надо строить мосты.

К Березине вместе с другими прибыл и Поль Шайно. Вот как сложилась судьба француза.

В России в те годы среди богатых дворян было модным приглашать для воспитания своих детей иностранцев. Чаще всего французов. У них манеры изысканны. Язык французский певучий. «Мсье и пардон, бонжур и плезир»^[5] вот какие слова приятные. Потянулся в Россию разный жадный

на деньги люд. Брали всех без разбора — лишь бы француз. Явился и Поль Шайно. Был каретником он в Париже. В России стал гувернёром. Неплохо Шайно устроился. Сыт, обут, деньги хорошие платят. Живёт под Смоленском в имении князя Нарышкина.

И вдруг война. Наступают французы. Победа идёт за победой. Подумал Шайно: «Э, в такую минуту лучше быть в армии. Так скорее богатым станешь».

Вступил он во французскую армию. А так как солдатскому делу Шайно был не очень обучен, определили его в обоз. «Это ничего, — рассуждает француз. — Тут даже оно спокойнее. Будет к тому же богатства на чём везти». В общем, стал он опять каретником.

Приехал Шайно в Москву. А что случилось дальше, вам уже хорошо известно. Покатились французы вспять.

«Э, — соображает обозник, — дело недобрый пахнет». Взял и сбежал он из армии. Снова вернулся к себе под Смоленск. «Ну что ж, опять гувернёром буду».

Да только ошибся Шайно. Встретили барские крестьяне его немило. Чуть не убили. Пришлось французу брать ноги в руки, иными словами — бежать. У Березины и догнал он ушедшую армию. Строят французы мосты. Сидит Шайно, дожидается. Скорей бы на правый берег.

Сгрудились у Березины остатки французской армии: недобитая гвардия, уцелевшие обозы, тысячи раненых, тысячи пообмороженных. Столпились солдаты, ждут. И вот началась переправа. Мосты построены наспех. На чём только держатся! Доски шатаются. Перил — тех и вовсе нет.

Все жмутся к мостам. Все хотели бы в первую очередь. Да нет, пропускают вначале гвардию. Затем отбирают наиболее годных для боя солдат. Остальные — пока дожидайтесь. Идут по мостам солдаты, торопятся. Срываются крайние в воду. Моржами средь льдин ныряют.

Лезет на мост Шайно. Отгоняют его солдаты:

— Куда!

В наряде Шайно гражданском.

— Куда!!

— Я же француз! — голосит Шайно. — Я же ваш подданный. Я же солдат.

Не признают, не пропускают его солдаты.

В это время французов настигла русская армия. Наполеон отдал приказ немедля же сжечь мосты. Бросить остатки армии. Полыхнули мосты пожарищем. Остался Шайно и другие ни с чем.

Заметался Шайно, подлетает к русским:

— Я же ваш! Я гражданский... Я гувернёр у князя Нарышкина.

Усмехнулись солдаты:

— Раз гувернёр, так зачем же ты здесь?

Подняли ружья. Рванулся Шайно — и в воду с разбегу прыг. Где он погиб, никому не известно. Ближе к тому, ближе ли к этому берегу. Только не выплыл к своим француз. Много французов тогда погибло. И здесь, на земле, и там, в реке. В знаменитой Березине, белорусских полей красавице.

...На следующий день ударили страшной силы морозы.

ДВА ГРЕНАДЕРА

Лютует, лютует, лютует мороз. Страхи кругом летают. Сугробы белым-белом — небо с землёй ровняют. Ветер бьёт шомполами по полю. Нелёгкая выдалась доля: отбились от армии два гренадера. Сидят под сосной, замерзают.

Одеты солдаты во что попало. Давно обтрепались мундиры.

Продувает метель солдат. Мороз как штыком пыряет.

Замерзают, кончают свой век солдаты. Замерзая, вздыхают солдаты:

— Когда бы не эти метели...

— Когда бы не эти морозы...

И вдруг утихли метели. Пропали морозы. Зажурчали ручьи и реки. Солнце огнём взошло. Расправили плечи солдаты. Лица — под солнечный жар. Опалило солдатскую кожу. До боли в костях обожгло. Открыли глаза солдаты. Да это же ветер лютует и снег.

Снова вздыхают солдаты:

— Когда бы не лютый голод...

— Когда бы краюха хлеба...

И вдруг словно скатерть пришла самобранка. Под сосной у солдат еда. Хлеб, что в печке, румян набрался. Из котла вылезает каша. Сала огромный кус.

Рванулись к еде солдаты. Замёрзшие тянут пальцы. Ледяная крупа в руках.

Снова вздыхают солдаты:

— Когда бы не русская сила...

— Когда бы не этот поход...

— Будь проклят! — кричат императору.

И вдруг из бури, из ночи-тумана бесшумно является Наполеон. Шляпа горбом — треуголка. Серый знакомый сюртук. Он глазами сурово поводит. Брови плывут к облакам.

Вскочили солдаты. Застыли солдаты.

Приблизился к ним император. По лицам наотмашь бьёт.

Встрепенулись солдаты. Исчезла привычная шляпа. Не виден знакомый сюртук. То ветер гуляет по полю. Лица солдатские бьёт.

Упали на снег солдаты. Буря кругом лютует.

Всё реже и реже солдатские вздохи. Слова на губах замирают. Отбились от армии два гренадера. Лежат под сосной, замерзают.

СВАДЬБА

В каком-то селе под Сморгонью Кутузов попал на крестьянскую свадьбу.

Пригласили — не отказался.

Изба-пятистенок. Столы и лавки в длиннющий ряд. Место для плясок. Вёдра с рассолом — для тех, кто начнёт хмелеть. В ярких одеждах гости. Жених в рубахе небесного цвета. В розовых лентах невестин наряд.

Сидят молодые. Рядом Кутузов.

Вот так невидаль в русской деревне! Свадьба не то чтобы с каким генералом, а прямо с самим фельдмаршалом!

Вокруг избы всё село собралось. Буйно идёт веселье. Пьют за невесту.

— За жениховье здоровье!

— Горько, горько! — кричат крестьяне.

Целуются молодые.

Идут полноверхие чары:

— За то, чтобы полная чаша в доме!

— За здоровье отца невесты!

— За женихова родителя!

— За матерей! (И разом, и по отдельности.)

И вдруг:

— За его светлость фельдмаршала князя Кутузова!

Поднялся Кутузов с почётного места:

— Увольте, увольте! Я не жених, — и сам подымает чару. — За матушку нашу — Россию. За богатырский народ!

— За Россию! — кричат крестьяне.

Вернулся Кутузов в штаб свой с веселья. Окружили его генералы.

— Ваша светлость, вам ли по свадьбам мужицким ездить, здоровье своё не беречь. — И в адрес крестьян с укоризной: — Война кругом полыхает, а им хоть бы что, свадьбы себе играют. Как-то оно не совсем прилично.

— Прилично, прилично, — ответил Кутузов. — К мирной жизни народ стремится. Чует конец войны. Мир, а не бой, жизнь, а не смерть исконно в душе россиянина.

[В ЛЕСУ НА ПОЛЯНЕ](#)

В лесу на поляне, меж сосен и елей, присмотрели солдаты отличное место. К ночлегу готовятся русские.

Мороз. Без малого тридцать. Утоптали солдаты сугробы, отбросали от центра снег. Навалили огромных брёвен. Пожаром дыхнул костёр. Пламя мороз съедает.

Греют солдаты спины, греют солдаты руки, шинели, развесив, сушат.

Сварили солдаты щи, приготовили кашу. Достали ложки, уселись есть.

А в это время в той же округе блуждали по лесу, сбившись с дороги, остатки какой-то французской промёрзшей голодной роты.

Огонь приманил французов. Вышли они к поляне. Застыли при виде костра и каши. Желудки готовы прыгнуть наружу.

Не удержался какой-то солдат. Бросился к русским. Миску схватил у крайнего и кинулся снова в лес. Однако увяз в сугробе. Схватили его солдаты, притащили к огню.

Француз тощий. Кожа да кости. Лишь глаза, как у зверя, огнём горят.

— Тыфу, басурман, лишь кашу мою испортил! — ругнулся тот, что лишился миски.

— Ладно, Куняев, в Париже отдаст, — шуткой ответил кто-то.

То ли больно жалкий вид у голодного, то ли от огня размякли сердца солдатские, то ли чуют — конец войне, — только не тронули наши француза.

Усадили его к костру, дали миску и ложку.

— На, наедайся.

— Откуда ты взялся?

— Как леший тебя не съел?

Уплетает солдатскую кашу француз, как удав, не жуя, глотает. А сам в сторону леса рукою тычет.

Смотрят туда солдаты. Не видно им ничего — от огня в темноту. А из леса французам видно. Видят они, что русские пленного не обижают. Смелый опять нашёлся. За ним третий, четвёртый, пятый... Потянулись французы к костру.

Разглядели их русские. Батюшки светы! Не люди идут, а тени. А одежонка!.. Один, как священник, в поповской рясе. Другой по-бабы в платок укутан. У третьего ноги, что куль, в рогожах. Четвёртый, как конь, — в попоне.

Поднялись солдаты. Что им с такими делать?

— Ладно, садись к огню!

— У, да вас тут человек пятнадцать!

— Может, и сам император из леса за вами выйдет?! — снова шутку роняет кто-то.

Накормили врагов солдаты. Что-то лопочут французы. Что — не поймёшь. Небось говорят спасибо.

Утром солдаты стали решать, что им с пришельцами делать. Как их считать? Казалось — за пленных. Да они же по собственной воле. Взять таких — какое же тут геройство.

Решали солдаты, решали.

— А ну их — пускай-ка себе идут!

Сообщают они французам.

Не уходят французы. Не верят.

— Да ступайте, ступайте!.. Лежачего русский не бьёт!

— Кха? Кха?^[6] — лопочут французы. Не верят в такое чудо.

Поднялся тогда Куняев, тот, чью кашу француз похитил:

— Да катитесь, мусью проклятые! Не стойте. Не злите солдатскую кровь, — и ругнулся. Да так, что французы сразу всё поняли.

Подхватили они попоны свои и рясы.

— Мерси, гран мерси...^[7] — и подальше от этого места.

Уходят остатки французской, чудом уцелевшей в России роты.

— Да, — переглянулись солдаты. — Выходит, и вправду близок конец войне.

НОВЫЙ ПОХОД

1812 год. Декабрь. Неман. Граница России. Тот же мост, что летом полгода тому назад.

Идут по мосту солдаты. Только не в эту — в обратную сторону. Не чеканят больше солдатский шаг. Не бьют барабаны. Не пыжатся дудки. Знамён не колышется строй. Горстка измученных, крупица оборванных — чудом ещё в живых, покидают французы российский берег. Жалкий остаток великой силы. Доказательство силы иной.

Вышли русские к Неману, остановились. Вот он, конец похода.

— Выходит, жива Россия!

— Жива, — произнёс седоусый капрал.

Смотрят солдаты — капрал знакомый.

— Ба, да не ты ли нам сказку тогда рассказывал?

— Я, — отвечает капрал.

— Значит, вырос телок в сохатого, — смеются солдаты. — Копытом злодея насмерть!

— Выходит, что так.

Легко на душе солдата — исполнен солдатский долг.

Стоят солдаты над обрывом реки, вспоминают былое время. Витебский бой, бои под Смоленском, жуткий день Бородинской сечи, пожар Москвы... Да, нелёгок стал путь к победе. Будут ли помнить дела потомки... Немало пролито русской крови. Многих не счастье в живых.

Взгрустнулось чуть-чуть солдатам. Поминают своих товарищे�й. И радостен день, и печален.

В это время сюда же, к реке, подъехал со свитой Кутузов.

— Ура-а! — закричали солдаты.

— Спасителю отечества слава!

— Фельдмаршалу слава!

— У-у-ура!

Поклонился Кутузов солдатам:

— Героям отечества слава! Солдату русскому слава!

Потом подъехал поближе к солдатам:

— Устали?

— Устали, — признались солдаты. — Да ведь оно же конец похода.

— Нет, — говорит Кутузов. — Вам новый ещё поход.

Смутились солдаты. К чему тут фельдмаршал клонит? А сами:

— Рады стараться! — Так армейский устав велит.

Отъехал Кутузов на видное место. Обвёл он глазами войска. И голосом зычным (куда старицкая хрить девалась!):

— Герои Витебска, герои Смоленска, соколы Тарутина и Ярославца, Бородинского поля орлы — незабвенные дети России! — Кутузов приподнялся в седле. — Живые, мёртвые — стройся! Героям новый поход — в века!

Примечания

[1](#)

В Австрии под городом Аустерлицем Наполеон одержал одну из наиболее значительных своих побед.

[2](#)

В 1709 году русские войска под командованием Петра I у города Полтавы разбили прославленную армию шведского короля Карла XII.

[3](#)

Мюрати Даву — прославленные французские маршалы.

[4](#)

Санкт-Петербургская губерния до 1710 года называлась Ингерманландской. Полк и сто лет спустя, в 1812 году, сохранил своё старое наименование.

[5](#)

«Мсье, пардон, бонжур, плезир» — господин, простите, здравствуйте, удовольствие.

[6](#)

Куа? — Что?

[7](#)

Мерси, гранмерси — спасибо, большое спасибо.

[1](#)

В Австрии под городом Аустерлицем Наполеон одержал одну из наиболее значительных своих побед.

[2](#)

В 1709 году русские войска под командованием Петра I у города Полтавы разбили прославленную армию шведского короля Карла XII.

3

Мюрати Даву — прославленные французские маршалы.

4

Санкт-Петербургская губерния до 1710 года называлась Ингерманландской. Полк и сто лет спустя, в 1812 году, сохранил своё старое наименование.

5

«Мсье, пардон, бонжур, плезир» — господин, простите, здравствуйте, удовольствие.

6

Күа? — Что?

7

Мерси, гранмерси — спасибо, большое спасибо.